А. Н. МИКЛАШЕВСКІЙ

ПОЛИТИКА ТРУДА

и

ИДЕАЛЫ РАСПРЕДѢЛИТЕЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Изъ Журнала «Вѣстникъ Права»
(Октябрь-Ноябрь 1905 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1905.

ПОЛИТИКА ТРУДА И ИДЕАЛЫ РАСПРЕДѢЛИТЕЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

I.

Въ 1840-вомъ году Томасъ Карлейль писалъ: [1]) „всѣ сознаютъ, что положеніе и настроеніе рабочаго класса имѣютъ угрожающій характеръ, что о рабочемъ классѣ что либо должно быть сказано и что нибудь должно быть сдѣлано". Мы переживаемъ въ настоящій моментъ такое же время. Всѣ понимаютъ, что положеніе нашего рабочаго класса крайне тяжелое и только слѣпые не видятъ, что настроеніе его имѣетъ угрожающій характеръ. Всѣ обстоятельства современной жизни вопіютъ, что, что нибудь должно быть сдѣлано. И это „что нибудь" должно быть не какими нибудь жалкими полумѣрами, а чѣмъ то такимъ, чтобы жизнь работающихъ классовъ могла теперь же, въ ближайшемъ же будущемъ принять болѣе нормальный и счастливый характеръ. Предъ нами должна открыться новая эра жизни. Она должна сдѣлать своимъ лозунгомъ: „политику труда и заработной платы".

Еще въ 1895 г. въ своей магистерской диссертаціи: „Деньги, опытъ изученія основныхъ положеній классической школы въ связи съ исторіей денежнаго вопроса", я пытался, въ эпоху наиболѣе яркаго разцвѣта нашего неомарксизма,

---

[1]) См. его брошюру: „Chartism", 2 изд, 1840 г.

доказать необходимость этой политики, какъ неизбѣжнаго условія сколько нибудь прочнаго и спокойнаго развитія нашей соціальной системы. Тогда я былъ осужденъ нашей неомарксисткой и народнической прессой, какъ виновный якобы въ отрицаніи основной догмы марксизма, *требующей упраздненія системы салаpіата и организаціи за ново, на началахъ общественной собственности, всей системы производства.*

Теперь времена нѣсколько видоизмѣнились... Неомарксизмъ не пользуется уже прежней популярностью, ряды его порѣдѣли. Часть сторонниковъ перешла въ лагерь идеалистовъ-метафизиковъ. Доктрина неминуемаго крушенія капиталистическаго строя чрезъ самопроизвольное развитіе производительныхъ силъ, приходящихъ въ противорѣчіе съ производственными отношеніями, не понимается такъ дѣтски наивно, какъ немного лѣтъ тому назадъ. На нашихъ глазахъ оно не разрушается, а трансформируется все болѣе и болѣе быстрымъ темпомъ. Предъ нами все болѣе и болѣе раскрываются новые возможные пути для прогрессивной работы на пользу рабочаго сословія и одной „пропаганды“ идеала общественной, вѣрнѣе соціалистической системы производства становится недостаточно. Отъ руководителей рабочей партіи можно и должно требовать непосредственной и реальной работы въ дѣлѣ видоизмѣненія капиталистическаго строя, который представляетъ собою долговременный результатъ исторіи и борьбы человѣчества и долженъ закономѣрно видоизмѣниться подъ дѣйствіемъ организованныхъ усилій человѣчества и неизбѣжныхъ природо-техническихъ условій существованія въ извѣстной соціальной атмосферѣ, если можно такъ выразиться.

Я хотѣлъ бы въ настоящей работѣ показать, что „политика труда и заработной платы“ является тѣмъ единственнымъ путемъ, при посредствѣ котораго возможно постепенное оздоровленіе нашей хозяйственной системы. Только вступивъ на эту дорогу, владѣющіе классы исполнятъ свою историческую миссію и предохранятъ общество отъ жесточайшихъ потрясеній. Я постараюсь доказать, кромѣ того, что именно эта политика вытекаетъ изъ существа самаго капиталистическаго хозяйства, которое понимается теперь уже

гораздо полнѣе и глубже, чѣмъ это было въ былое время, въ эпоху господства догматики марксизма.

Повидимому, между политикой заработной платы и политикой, стремящейся къ упраздненію саларіата, существуетъ непримиримое противорѣчіе. Я сейчасъ постараюсь доказать, что противорѣчіемъ соціалистическимъ идеаламъ политика заработной платы можетъ представляться лишь для умовъ, не привыкшихъ мыслить ясно, опредѣлительно формулировать свои практическіе идеалы и не понимающихъ самаго существа капиталистической системы, среди которой мы живемъ. Даже такой правовѣрный изъ марксистовъ, какъ Карлъ Каутскій [1]) въ своемъ комментаріи къ Эрфуртской программѣ рѣшился высказать мысль, что „на долгія времена распредѣленіе благъ въ соціалистическомъ обществѣ должно будетъ происходить въ тѣхъ формахъ, которыя будетъ представлять собою дальнѣйшее развитіе нынѣшнихъ формъ заработной платы. *Оно должно будетъ исходить изъ этихъ формъ* . . . И въ этой области, какъ и во всѣхъ остальныхъ, соціалистическое общество не сдѣлаетъ никакого скачка, а возьметъ за исходный пунктъ то, что застанетъ". Но правъ ли Каутскій? не впадаетъ ли онъ самъ въ противорѣчіе и въ еретическое истолкованіе лучшихъ идей своего учителя Маркса, этого творца соціалдемократической платформы? Или же, наоборотъ, Каутскій въ данномъ случаѣ оказывается просто практическимъ политикомъ, который, забывъ о своихъ догматахъ и теоретическихъ построеніяхъ, начинаетъ понимать всю сложность современнаго народно-хозяйственнаго механизма и идетъ, поэтому, на компромиссъ? Или же теоретическія построенія марксизма основываются на неправильномъ пониманіи самаго существа капиталистическаго хозяйства и тѣхъ силъ, которыя оказываютъ вліяніе на раздѣлъ произведеннаго обществомъ продукта?

Каутскій говоритъ намъ, что „въ соціалистическомъ обществѣ распредѣленіе продуктовъ не будетъ совершаться по

---

[1]) См. его Эрфуртская программа, р. пер., Москва, 1905 г., стр. 108—115. курсивъ мой.

слѣпо дѣйствующимъ законамъ, которые проявляются помимо сознанія участниковъ производства. Правила, на основаніи которыхъ совершается распредѣленіе продуктовъ, будутъ вырабатываться самими участниками производства. Но не *отъ ихъ произвола* будетъ зависѣть, какія правила они установятъ: *эти правила нельзя будетъ выводить изъ того или иного принципа;* они будутъ опредѣляться фактическими отношеніями, господствующими въ обществѣ, и, прежде всего, производственными отношеніями".

Въ устахъ марксиста, всю жизнь свою защищавшаго и защищающаго идею трудовой цѣнности, это положеніе, что правила распредѣлительной справедливости нельзя выводить изъ какого либо единаго принципа, весьма характерно и, какъ увидимъ, оно сказывается цѣлымъ рядомъ своеобразныхъ выводовъ. Всѣ знаютъ, что попытки выработать эти правила существуютъ и ими пользуются для указанія того направленія, въ которомъ должна двигаться экономическая политика даннаго момента, и для выясненія картинъ лучшаго будущаго, которое ожидаетъ человѣчество. Эти правила или вѣрнѣе принципы распредѣлительной справедливости имѣютъ свою долгую и поучительную исторію и на нихъ сильнѣйшимъ образомъ отражались воззрѣнія на основныя начала нашей хозяйственной организаціи. Эти принципы распредѣлительной справедливости были ничѣмъ инымъ, какъ провозглашаніемъ правъ труда и, если современный теоретикъ соціализма отказывается выводить ихъ изъ какого либо единаго принципа, то, слѣдовательно, предъ нашими глазами создались совершенно новыя воззрѣнія на организацію хозяйства соотвѣтственно правамъ труда, а потому и открылись новыя основанія для пропаганды и защиты особой политики труда и заработной платы. Эта политика должна имѣть значеніе и для даннаго момента, и открыть иныя перспективы въ самомъ пониманіи лучшаго будущаго человѣчества.

Дать отвѣтъ на вопросъ, почему возможно было такое видоизмѣненіе взглядовъ можетъ только тотъ, кто съумѣетъ понять, какую роль въ нашей хозяйственной системѣ играютъ обмѣнъ и распредѣленіе и какое значеніе имѣетъ то основ-

ное обстоятельство, что вся наша капиталистическая система является долговременнымъ продуктомъ тяжелаго историческаго процесса.

Предубѣжденному и воспитанному въ извѣстныхъ научныхъ традиціяхъ уму можетъ казаться, что для того, чтобы понять это видоизмѣненіе взглядовъ, чтобы глубже постигнуть самое существо нашей капиталистической системы хозяйства, необходима большая теоретическая жертва, на которую ему безконечно тяжело рѣшиться. Надо признать совершенную непригодность такъ называемой трудовой теоріи цѣнности для объясненія предшествовавшихъ и наличныхъ условій обмѣна и распредѣленія, и открыто и честно признать, что она представляетъ своего рода научное суевѣріе, которое досталось намъ отъ индивидуалистической школы въ экономіи и которое не можетъ служить по тому выводу, который дѣлался изъ этой теоріи, идеаломъ экономической политики и распредѣлительной справедливости для новой, нарождающейся соціально-экономической науки.

Для человѣка, знакомаго съ исторіей развитія экономической науки, понятно, почему теорія трудовой цѣнности такъ дорога представителямъ рабочаго класса. Изъ этой теоріи, какъ казалось, былъ сдѣланъ ясный и необходимый выводъ: „такъ какъ только трудъ создаетъ цѣнности, то задача распредѣлительной справедливости заключается въ томъ, чтобы обезпечить работнику право на полный продуктъ его труда, на всю сумму цѣнностей, имъ создаваемую“.

Рикардо и его ученики создали эту трудовую теорію цѣнности. Родоначальники соціализма сдѣлали изъ нея этотъ выводъ, не замѣчая, что индивидуалистическія наклонности ихъ первоучителя—Рикардо совершенно противорѣчили ихъ соціэтарной, т. е. общественно-хозяйственной точкѣ зрѣнія.

Индивидуалистическая теорія трудовой цѣнности, какъ это ясно теперь почти для всякаго экономиста, была создана подъ непосредственнымъ давленіемъ буржуазной экономической политики, которой нужно было сломить господство земельной аристократіи и показать обществу, какъ путемъ захвата земельной ренты въ свои руки она грабитъ и фабри-

канта и рабочаго. Когда выросли требованія рабочей массы, трудовая теорія цѣнности была преобразована въ интересахъ соціалистической политики и доктрины; но какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, она никогда не была теоретически доказана и не представляетъ научной истины, а по тому выводу, который изъ нея дѣлался, и идеала распредѣлительной справедливости.

Въ своей книгѣ: „Обмѣнъ и экономическая политика“ я подробно останавливаюсь на анализѣ этой трудовой теоріи цѣнности. Такъ какъ задача каждаго писателя заключается въ томъ, чтобы убѣдить своихъ читателей, то я позволю себѣ въ настоящей статьѣ повторить нѣкоторыя основныя положенія моего изслѣдованія, но постараюсь въ то же время повести читателя по нѣсколько иному пути, чѣмъ тотъ, которымъ я шелъ въ своей книгѣ.

Этотъ путь успокоитъ предубѣжденнаго читателя и, какъ я надѣюсь, убѣдитъ его, что можно оставаться соціалистомъ, считать себя защитникомъ идеи рабочаго сословія, не признавая трудовой цѣнности, считая совершенною нелѣпостью индивидуалистическое представленіе о правѣ на полный продуктъ труда, являясь защитникомъ политики заработной платы.

Чтобы возможно скорѣе и глубже ввести читателя въ кругъ идей, дающихъ намъ представленіе о правахъ труда, мнѣ придется остановиться на работахъ Вильяма Томсона, Луи Блана и Прудона, которые оригинальнѣе другихъ начертали намъ свое представленіе объ идеалахъ распредѣлительной справедливости [1]).

Само собою разумѣется, что эти писатели шли уже по подготовленному пути. Разсужденія о правахъ труда шли уже

---

[1]) Я буду имѣть въ виду нижеслѣдующія сочиненія этихъ писателей и цитировать ихъ по нижеуказаннымъ изданіямъ: a) W. Thomson. Untersuchung uber die Grundsatze der fur menschliche Gluck dienlichsten Vertheilung des Reichtums, 2 B., нѣм. пер. Колмана съ англійскаго изданія 1824 г., Berlin, 1903 г. b) Louis Blanc. Organisation der Arbeit, нѣмец. пер. Прагера съ 9-го француз. изданія, Berlin. 1899 г. c) Proudhon. Oeuvres completes, nouv. edition, t. I, Q'est que la propriété и t. 7 (стараго изданія) Le droit au travail et le droit de propriété, Paris, 1850, также Représentant du Peuple, пробный номеръ отъ 14 окт. 1847 г.

за долго до нихъ, еще въ концѣ 18-го вѣка, когда шли толки о естественномъ состояніи человѣческаго рода, когда Мабли, Руссо, Годвинъ, Фихте, Кене, Тюрго, Смитъ, Бабефъ, Сэнъ-Симонъ, Фурье и другіе стали размышлять о происхожденіи, историческомъ смыслѣ и значеніи частной собственности и неравенства. Въ трудахъ Томсона, Луи Блана и Прудона, однако, прежнія ученія приняли совершенно иную форму и значеніе; они въ значительной мѣрѣ подготовили то видоизмѣненіе взглядовъ, которое мы констатировали и которое стало возможно только тогда, когда былъ болѣе понятъ самый механизмъ капиталистическаго производства.

Въ концѣ 18-го вѣка и въ началѣ 19-го были впервые формулированы такъ называемыя „естественныя экономическія права“ человѣка. Торжественное провозглашеніе священныхъ правъ частной собственности, какъ казалось тогда, должно было сопровождаться признаніемъ и слѣдующихъ другихъ основныхъ естественныхъ правъ человѣка, а именно: 1) права на существованіе, т. е. права на то или иное удовлетвореніе потребностей человѣка, дающее возможность не только простого бытія (ofliving) для всякаго рожденнаго существа, но и благосостоянія (of well being), посколько общій запасъ благъ это позволяетъ, какъ выражается, напр., Годвинъ; 2) права на трудъ, т. е. права требовать отъ общества себѣ подобныхъ возможности приложенія своихъ трудовыхъ усилій для обезпеченія своего существованія и счастія и 3) права на полный продуктъ своего труда, т. е. права на полученіе всего матеріальнаго результата въ продуктѣ, получаемаго чрезъ употребленіе и работу своихъ мускульныхъ и нервныхъ силъ.

Физіократы, въ особенности Кене и Тюрго, признали впервые это право на существованіе и право на трудъ, но оба эти права были формулированы ими очень неясно и неопредѣленно, совершенно въ духѣ нарождавшейся эпохи капиталистическаго хозяйства.

Въ сущности право на трудъ, о которомъ говорятъ всѣ физіократы, а въ частности и Тюрго въ своемъ знаменитомъ эдиктѣ 1776 г., было простымъ провозглашеніемъ свободы

промысла, желаніемъ предоставить каждому возможность свободно искать въ любой отрасли промышленности приложенія для своихъ силъ и обращать полученное въ вознагражденіе за трудъ для своихъ надобностей и цѣлей. Кене безконечное количество разъ повторяетъ, что общество должно обезпечить каждому свободную возможность трудиться, но оно не обязано ему давать больше того, сколько онъ въ состояніи заработать своимъ трудомъ. Чѣмъ больше работникъ заработаетъ, тѣмъ больше онъ будетъ имѣть. Представленіе о естественномъ состояніи общества давало Кене и отвѣтъ на вопросъ о суммѣ благъ, которую работникъ можетъ требовать отъ общества. Въ естественномъ состояніи, полагалъ онъ, человѣкъ могъ добыть себѣ только потребный минимумъ для существованія. Организованное общество можетъ вознаградить его трудъ обильнѣе, но не обязано давать ему больше, чѣмъ сколько потребно для его существованія.

Самое право человѣка на существованіе было поставлено, такимъ образомъ, физіократами въ зависимость отъ возможности найти приложеніе для своихъ силъ на рабочемъ рынкѣ. Съ особою ясностью сказывается эта буржуазная точка зрѣнія Кене въ его трудѣ о „Естественномъ правѣ“. Онъ приходитъ здѣсь къ убѣжденію, что общество по естественному праву не обязано содержать дѣтей, лишившихся родителей. Кене пишетъ: „ребенокъ, лишенный силы и разума, неоспоримо имѣетъ естественное право на существованіе, его право покоится на обязанности, внушаемой природой отцу и матери....

Тѣмъ не менѣе нельзя игнорировать, что эта обязанность, подсказываемая и обезпечиваемая чувствомъ, входитъ и въ область справедливаго, такъ какъ отецъ и мать дѣлаютъ только то, что возвращаютъ своимъ дѣтямъ, что сами получили отъ своихъ родителей. Если отецъ и мать ребенка умрутъ и послѣдній очутится безъ всякой помощи, предоставленный непосредственно своимъ силамъ, то онъ не въ состояніи будетъ пользоваться своимъ правомъ и оно сведется къ нулю. Пользованіе глазами прекращается въ пространствѣ, недоступномъ для свѣта“ [1]).

[1]) См. библіотека экономистовъ, вып. 6-ой, пер. Горбунова, стр. 3—4.

Формулировка простая и ясная. Анализъ капиталистическаго хозяйства, сдѣланный Тюрго, Смитомъ и ихъ продолжателями, далъ для буржуазной экономіи успокоительное утвержденіе, что капиталистическое хозяйство обезпечиваетъ въ общемъ для каждаго, кто хочетъ трудиться, этотъ минимумъ потребный для существованія. Буржуазная экономія признавала право на трудъ, какъ право свободно искать приложенія для своихъ силъ и устами Мальтуса провозгласила, что установленіе какого то права на существованіе было бы разрѣшеніемъ безграничнаго размноженія ненужныхъ людей, торжествомъ животныхъ инстинктовъ и гибели цивилизаціи въ условіяхъ общей бѣдности [1]).

Аргументація Мальтуса не могла, конечно, убѣдить бѣдняка въ томъ, что онъ осужденъ на смерть, разъ онъ самъ не найдетъ приложенія для своихъ силъ на рабочемъ рынкѣ. Рѣшится ли кто либо теперь открыто утверждать, что рожденное и живущее человѣческое существо можетъ и должно быть уничтожено голодомъ? Поставило ли современное общество какіе либо предѣлы для права размноженія? Вѣковые споры о пресловутомъ законѣ населенія Мальтуса показали

---

[1]) „Аббатъ Рейналь сказалъ, пишетъ Мальтусъ въ своемъ опытѣ о законѣ населенія, avant toutes les lois sociales l'homme avait le droit de subsister. Онъ могъ бы съ большимъ правомъ сказать, язвитъ Мальтусъ, что человѣкъ имѣетъ право жить сто лѣтъ. Безъ сомнѣнія, человѣкъ обладаетъ этимъ правомъ, и сохраняетъ его и теперь,—это доброе право жить 100 и даже 1000 лѣтъ, если можетъ, не нарушая правъ другихъ на существованіе. Но въ обоихъ случаяхъ вопросъ, въ сущности, сводится къ *возможности*, а не къ *праву*. Возникновеніе общественныхъ законовъ доставило возможность существованія большему количеству людей сравнительно съ тѣмъ, которое могло существовать безъ этихъ законовъ и весьма расширило предѣлы этого le droit de subsister. Но ни до, ни послѣ ихъ созданія не могло существовать безграничнаго количества людей. И какъ до изданія этихъ законовъ, такъ и послѣ нихъ, тотъ кто потерялъ возможность (power), пересталъ и обладать правомъ". Выводъ, сдѣланный Мальтусомъ, жестокъ. По его мнѣнію, человѣку слѣдуетъ дать понять, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать отъ общества какой ни было доли пищи, кромѣ той, которую его трудъ можетъ купить на обыкновенномъ рабочемъ рынкѣ. Если онъ не находитъ здѣсь приложенія для своихъ силъ, очевидно, количество людей чрезмѣрно велико и нѣкоторая ихъ часть должна изчезнуть. Ср. Malthus, Essay on Population, изд. Ward and Lock, 1890 г., книга IV-я, глава 6-я, стр. 476—477.

только то, что человѣчество въ своемъ численномъ составѣ наростаетъ и что чрезмѣрное размноженіе замѣчается именно въ тѣхъ случаяхъ, когда культурный уровень понижается. При всякомъ повышеніи культурныхъ требованій отъ жизни, этотъ процессъ не ускоряется, а скорѣе замедляется. Вопросъ же объ устроеніи желающей работать массы населенія никогда не удавалось устранить, ибо, какъ показали многіе изслѣдователи, въ самихъ условіяхъ нашей промышленности лежитъ то обстоятельство, что значительныя доли населенія въ теченіе продолжительныхъ промежутковъ времени остаются на положеніи „безработныхъ“. Точной статистики этихъ безработныхъ мы еще не имѣемъ, но, по самой оптимистической французской статистикѣ, безработныхъ оказывается около 8% всего рабочаго населенія. Цифра внушительная и заставляющая призадуматься [1]).

Даже въ самый разцвѣтъ индивидуалистической доктрины и господства капиталистическаго класса, когда организованная власть могла безпрепятственно употреблять невѣжественныя массы противъ массъ, пришлось пойдти на компромиссъ и общественное призрѣніе было организовано жестоко, но исчезнуть не могло. Среди буржуазнаго общества произвело большую сенсацію заявленіе графа Бисмарка въ 1884 г., когда онъ сказалъ въ парламентѣ, что вполнѣ признаетъ три основныхъ права труда: право на помощь для больнаго и безпомощнаго, право на трудъ для здороваго и право на

[1]) См., напр., книгу Cagnipaccі. Le chomgse, 1905 г., стр. 14—21. У насъ въ Россіи этотъ вопросъ о безработныхъ и ихъ устраненіи ставится жизнью въ нѣсколько иной формѣ. Проф. Мануиловъ, основываясь на данныхъ коммисіи о центрѣ, пишетъ: „что же касается до соотношенія между размѣрами надѣловъ и рабочимъ составомъ сельскаго населенія, то, по даннымъ коммисіи по оскудѣнію центра, въ среднемъ на дворъ приходилось надѣльной земли въ четыре—пять разъ меньше, чѣмъ слѣдовало бы, чтобы использовать всю рабочую силу двора. По разсчету коммисіи, общее число работниковъ, потребное для уборки урожая со всей площади хлѣбныхъ посѣвовъ на надѣльныхъ земляхъ, составляло въ 1900 г. 11,360,200 человѣкъ обоего пола, въ дѣйствительности же наличное число мѣстныхъ крестьянъ обоего пола было 44,724,800 человѣкъ рабочаго возраста. Такимъ образомъ избытокъ рабочихъ силъ сельскаго населенія достигалъ почти 33 милл. человѣкъ“. См. Мануиловъ. Поземельный вопросъ въ Россіи, М. 1905 г., стр. 29.

пенсію для стараго [1]). Правда, какъ практическій политикъ, онъ не обосновывалъ этихъ правъ какими бы то ни было разсужденіями философическаго характера. Провозглашеніемъ этихъ скромныхъ правъ онъ надѣялся нанести рѣшительный ударъ соціалъ-демократіи, но время было уже давно упущено и общественная мысль настолько выросла, что право на трудъ уже нельзя было обосновывать такими побасенками, какъ это дѣлали въ свое время Фурье и Консидеранъ [2]). Если вы заглянете въ труды этихъ двухъ писателей, то вы увидите, что они обосновываютъ это право каждаго получить работу отъ общества на почвѣ туманныхъ фразъ естественнаго права. Фурье полагаетъ, что въ естественномъ состояніи человѣкъ имѣлъ семь неотъемлемыхъ правъ: право на охоту, на рыбную ловлю, на грабежъ сосѣднихъ племенъ, право на помощь отъ собственнаго племени и драгоцѣнное право на „беззаботность“. Въ качествѣ эквивалента за всѣ эти права организованное буржуазное общество должно признать право работника на полученіе труда. Консидеранъ идетъ уже немного дальше. Онъ признаетъ частную собственность на вещи, добытыя трудомъ, но отрицаетъ право собственности на землю и видитъ въ правѣ на трудъ необходимый эквивалентъ за захватъ земли.

Чѣмъ могъ оправдать Бисмаркъ сдѣланное имъ провозглашеніе правъ труда? Фраза о борьбѣ съ соціалъ-демократіей ясно показываетъ, что онъ думалъ только о самозащитѣ буржуазіи. Онъ призывалъ ее къ уступкамъ противъ все болѣе грознаго теченія, которое стремится къ видоизмѣненію всей нашей народнохозяйственной организаціи. Здѣсь дѣло шло уже не о „философіи“, а о полицейскихъ мѣрахъ самообезпеченія. Новый курсъ соціальной политики Бисмарка и Прус-

---

[1]) Послѣднія волненія безработныхъ въ Англіи побудили консервативное правительство провести законъ, которымъ предоставляется мѣстнымъ органамъ самоуправленія устраивать за счетъ городскихъ налоговъ „земледѣльческія колоніи“. Это настоящее знаменіе времени, на которомъ жизнь, конечно, не остановится.

[2]) См. Fourier. Traité de l'Association, т. I, Paris, 1822 и V. Considéran Théorie du droit de propriété et du droit au travail, Paris, 1848 (3 изд.).

ской монархіи объясняется, слѣдовательно, чисто практическими требованіями жизни. И владѣющимъ классамъ всѣхъ странъ это давно пора имѣть въ виду! Дѣйствительность, однако, скоро показала, что, по существу дѣла, этотъ новый курсъ былъ старымъ. Новый курсъ былъ простымъ расширеніемъ права на призрѣніе, которое капиталистическое общество никогда не могло устранить изъ своей среды по причинамъ простой цѣлесообразности и необходимости поддержанія порядка.

Бисмаркъ очень тактично поступилъ, не обнаруживъ ни малѣйшаго желанія обосновать свои положенія. Могъ-ли онъ сказать что-либо вѣское послѣ того, какъ Прудонъ, эта путаная, но поразительная по талантливости голова, такъ ясно и опредѣленно отвѣтилъ на вопросъ, что слѣдуетъ понимать подъ правомъ на трудъ. Этого вопроса онъ коснулся дважды. Первый разъ въ анонимной статьѣ, помѣщенной въ его журналѣ „Représentant du Peuple“, во второй разъ въ брошюрѣ, выпущенной по поводу тѣхъ преній, которыя возникли въ національномъ собраніи по вопросу о правѣ на трудъ въ въ 1848 году. Оба эти произведенія дополняютъ другъ друга. Первое имѣетъ отрицательное критическое значеніе, второе намѣчаетъ положительныя стороны этого права.

Въ первой своей статьѣ Прудонъ категорически высказывается, что формула права на трудъ, такъ, какъ она обыкновенно понимается, недостойна, недостаточна, аристократична и опасна.

По его мнѣнію она *недостойна*, ибо она выставляетъ, какъ правовое начало, наслѣдственную обязанность бѣдняковъ жить на заработную плату, приковывая ихъ къ работамъ, требующимся для современнаго общества... Она *недостаточна*, ибо она не представляетъ собою всеохватывающаго положенія и можетъ разсматриваться, какъ нѣчто преходящее и провизорное. Она даетъ молчаливо возможность немногимъ счастливцамъ не выполнять этого права на трудъ, т. е. не работать, не принимать участія въ общемъ дѣлѣ изготовленія благъ, сокращая такимъ способомъ запасъ благъ народа, который ихъ производитъ. Эта формула *аристократична*, ибо

она считаетъ фактомъ соціальное неравенство и возможность эксплоатаціи производителей непроизводителями, ибо она на вѣчныя времена признаетъ превосходство бездѣльниковъ цивилизованныхъ классовъ надъ трудомъ, на вѣчныя времена неравномѣрно распредѣляетъ человѣческую дѣятельность въ противорѣчіи съ наличными знаніями и способностями. Она *опасна*, ибо гораздо болѣе покровительствуетъ хорошо понятымъ интересамъ капиталистовъ, землевладѣльцевъ, спекулянтовъ и вообще привиллегированныхъ владѣльцевъ, для которыхъ она является трогательнымъ обнаруженіемъ якобы ихъ заботливости, чѣмъ бѣднякамъ, которые на нихъ работаютъ. Хитрые государственные люди могли бы при принятіи народомъ этой формулы потребовать отъ него, чтобы онъ болѣе ничего не желалъ. Эта формула опасна, ибо она сводитъ желанія и правовыя требованія работника къ послѣднему жизненному минимуму, потому, что, она, околпачивая бѣдняка и приводя его къ безнадежности, быть можетъ, сдѣлаетъ его довольнымъ на протяженіи многихъ столѣтій. Она опасна, ибо приводитъ къ увѣренности, что мучители народа сами отъ себя дѣлаютъ все, что возможно и что нѣтъ другихъ средствъ для облегченія его страданій. Путемъ дешевой подачки и хитрой уступчивости такъ отдаляется день общаго разсчета и отнимается у соціалъ-реформаторовъ сила и опора, питавшая послѣдовательно переходившее отъ отца къ сыну недовольство... Однимъ словомъ, эта формула опасна потому, что она еще крѣпче скуетъ цѣпи пролетаріата и увѣковѣчитъ постоянство его рабства подъ новой формой феодализма.

Во второй своей брошюрѣ Прудонъ съ необычайной проницательностью указываетъ, что, провозглашая право на трудъ, мы отнюдь не должны имѣть въ виду возможность подысканія любой работы какому либо, напр., квалифицированному работнику. Право на трудъ обращается несомнѣнно въ простое призрѣніе, если государство врачу, не имѣющему работы, дастъ занятіе, заставляя его подметать улицы! Вопросъ о правѣ на трудъ сводится, слѣдовательно, на право получать трудъ, соотвѣтствующій своимъ способностямъ, и надлежащаго вознагражденія. Другими словами это вопросъ не *призрѣнія*, а

организаціи труда... „Если подъ правомъ на трудъ, пишетъ Прудонъ, понимаютъ только введеніе общественныхъ работъ для подысканія труда безработнымъ за счетъ государства, департаментовъ и общинъ, если подъ обѣщаніемъ содѣйствовать развитію работниковъ слѣдуетъ понимать то, что будетъ дана работа каменьщикамъ и поденщикамъ, то такая уступка, конечно, не будетъ угрожать собственности и лишь поставитъ наши финансы въ затрудненіе.

При такой постановкѣ дѣла, вмѣсто того, чтобы устранить пролетаріатъ, увеличатъ только его численный составъ, истощатъ средства страны, вмѣсто того, чтобы ихъ увеличить.. Во внутреннемъ развитіи организованнаго труда, а не во внѣшнемъ разсѣяніи капиталовъ и средствъ лежитъ рѣшеніе проблемы. Съ этой точки зрѣнія я скажу утопическимъ консерваторамъ собственности: *право на трудъ есть право, которое каждый гражданинъ, къ какому бы промыслу или профессіи онъ ни принадлежалъ, всегда имѣетъ право на работу въ своемъ промыслѣ за извѣстную заработную плату, размѣръ которой не произволенъ и независитъ отъ случая, а соотвѣтствуетъ наличному и нормальному уровню заработныхъ платъ. Вотъ что такое—право на трудъ и чьимъ либо другимъ оно быть не можетъ*“.

Выводъ, сдѣланный Прудономъ изъ этого положенія, извѣстенъ. Онъ, съ одной стороны, провозгласилъ обязанность труда для каждаго, чтобы тѣмъ обезпечить возможность принадлежности каждому продукта его личнаго труда. Съ другой стороны, онъ пришелъ къ мысли о странномъ противорѣчіи въ этомъ правѣ на трудъ. По его мнѣнію, всякое общество, провозглашающее право на трудъ, стремится къ отрицанію собственности, ибо право на трудъ есть отрицаніе собственности. Съ другой стороны это право является необходимымъ слѣдствіемъ частной собственности. И потому и неизбѣжно, что собственность, признавая право на трудъ, вводя безплатное и техническое обученіе, уравнивая въ отношеніяхъ предпринимателей и рабочихъ, создавая страховыя и кредитныя учрежденіи, допуская свободу ассоціацій, раздавая работу безработнымъ, воспитывая сиротъ, принимая на излѣченіе боль-

БИБЛІОТЕКА

ныхъ и оказывая поддержку безпомощнымъ старикамъ, сама себя разрушаетъ. Такимъ образомъ, уже въ эту эпоху вопросъ о правѣ на трудъ былъ сведенъ къ проблемѣ объ организаціи хозяйства, и говорить о разрѣшеніи соціальнаго вопроса путемъ расширенія призрѣнія становилось невозможнымъ.

Всѣ современые толки о введеніи государственнаго страхованія на случай смерти, старости, болѣзни, неспособности къ труду, отвѣтственность предпринимателей за несчастные случаи, развитіе охраны труда женщинъ и дѣтей и сотни другихъ вопросовъ рабочаго законодательства только тогда могутъ быть разрѣшены плодотворно, если мы будемъ видѣть въ нихъ не проблемы общественнаго призрѣнія, принимаемыя для обезпеченія буржуазіи, а сложные вопросы организаціи труда, въ которыхъ послѣдній долженъ работать для себя наряду съ владѣющими классами.

Теперь, когда снизу, изъ глубинъ народныхъ массъ, стали выдвигаться двѣ новыя формулы распредѣлительной справедливости, основанныя совсѣмъ на иныхъ началахъ, отъ владѣющихъ классовъ требуется болѣе ясное пониманіе своего положенія. Они не могутъ не знать того, что заслуга теоретиковъ соціализма заключается въ томъ, что они оставили споры о естественныхъ правахъ человѣка и показали, что бѣдность и всѣ ея страданія зависятъ отъ принадлежности орудій производства не тѣмъ, кто трудится. Соціалисты, съ помощью науки, начертали историческій процессъ роста цивилизаціи и развитія собственности и, оставивъ почву естественныхъ правъ, стали трактовать объ „реальныхъ условіяхъ организаціи хозяйства“, согласующихся съ „общимъ“ счастіемъ всѣхъ „равныхъ“ людей.

Въ ихъ трудахъ скромное право на существованіе своимъ трудомъ обратилось *въ право на полный продуктъ личнаго труда*, а затѣмъ и *въ право на полное удовлетвореніе своихъ потребностей*. Въ этихъ двухъ идеалахъ распредѣлительной справедливости оказались два непримиримыхъ воззрѣнія на самое существо современной капиталистической системы и грядущаго соціальнаго хозяйства. И характерно,

что первый изъ намѣченныхъ идеаловъ всегда въ своихъ конечныхъ формахъ обращался во второй, чтобы незамѣтно воплотиться въ издревле формулированное право на существованіе и право на трудъ, какъ его понимаетъ Прудонъ. Предъ нашимъ обществомъ стоитъ въ настоящее время эта великая проблема „организаціи труда“. И дѣло идетъ не о провозглашеніи вновь естественныхъ правъ гражданина, а о такомъ устроеніи политическаго быта, чтобы было возможно необходимое и плодотворное пересозданіе и соціальныхъ условій. Къ рѣшенію этой проблемы должны быть готовы, какъ владѣющіе, такъ и работающіе классы. Для этого нужно знаніе, пониманіе окружающихъ условій и умѣніе работать, иначе наступитъ хаосъ, могущій насъ подвинуть не впередъ, а назадъ, къ одичанію, къ массѣ пролитой крови безъ плодотворныхъ соціальныхъ результатовъ.

Прежде чѣмъ читать мою книгу, я просилъ бы читателя со мной вмѣстѣ заглянуть въ труды Томсона, Прудона и Луи Блана. Тогда читатель, надѣюсь, убѣдится, что я недаромъ потратилъ столько силъ на опроверженіе трудовой теоріи цѣнности. Я пытался этимъ дать дорогу иной работѣ на почвѣ соціальныхъ преобразованій, далекой отъ революціоннаго утопизма и неопредѣленности, основанной на неясности теоретическаго анализа. Въ наше время становится недостаточно страдать и мучиться страданіями пролетаріата. Надо выучиться работать съ нимъ вмѣстѣ на его пользу.

Растущее противорѣчіе между соціализмомъ парламентарнымъ (С. Д.) и соціализмомъ революціоннымъ (С. Р.), этими двумя видами соціализма, сказывается не только у насъ, но и на западѣ. Это обнаружилось съ особой ясностью на вопросѣ о всеобщей стачкѣ, который дебатировался въ соціалистическихъ кругахъ съ крайнимъ ожесточеніемъ. Любопытные результаты этихъ споровъ собраны въ книгѣ Лагарделя: La gréve générale et le socialisme, Paris, 1905. Лагардель заключаетъ свою книгу замѣчаніемъ, что отнынѣ родилась борьба между соціализмомъ революціоннымъ и чисто-парламентарнымъ: или одинъ, или другой. Мнѣ представляется, что будущ-

ность принадлежитъ соціализму только парламентарному, но для этого ему придется въ ближайшемъ же будущемъ прійти къ необходимости послѣдовательныхъ компромисовъ съ буржуазнымъ обществомъ. Соціализмъ революціонный упрекаетъ соціализмъ парламентарный, что онъ только проповѣдуетъ, а не дѣйствуетъ. Онъ надѣется всеобщей стачкой внезапно покончить съ буржуазнымъ обществомъ.

Глубина невѣжества сказывается въ этомъ стремленіи и непониманіе самаго существа капиталистическаго хозяйства съ его многообразіемъ интересовъ и пассивностью людей. Честный Гедъ на конгрессѣ въ Лилѣ говорилъ: слово „всеобщая стачка“ уже принесло не мало зла. Всеобщая стачка! А между тѣмъ никто не хочетъ организовываться. Всеобщая стачка! И никто не идетъ къ избирательнымъ урнамъ. Всеобщая стачка! И презираютъ политиковъ, которые якобы эксплуатируютъ рабочихъ. Слово всеобщая стачка служитъ оружіемъ противъ всѣхъ разновидностей нашего соціализма. Въ настоящій моментъ оно надѣлало больше зла, чѣмъ министеріализмъ. Послѣдній все болѣе и болѣе дискредитируется среди рабочихъ, фантомъ же всеобщей стачки подъ своимъ мистическимъ и чудодѣйственнымъ покрываломъ все болѣе очаровываетъ работниковъ. Даже болѣе, работникъ, который выходитъ изъ соціалистической партіи и становится сторонникомъ всеобщей стачки воображаетъ, что онъ сталъ революціонеромъ. Мнѣ говорятъ, что „если пять милліоновъ рабочихъ оставятъ свои мастерскія, то 400 или 500 тысячъ солдатъ, разсѣянныхъ повсемѣстно и въ небольшомъ числѣ, окажутся совершенно безсильными. Это сонъ. Недопустимо, чтобы милліоны рабочихъ оказались готовыми умереть отъ голода за свой классъ, когда въ интересахъ сво его же класса они не хотятъ класть въ урны своихъ биллютеней. Еще понимаютъ подъ всеобщей стачкой ничто иное, какъ результатъ всеобщей стачки въ какомъ нибудь промыслѣ, который принудитъ другіе промыслы примкнуть къ движенію. Будьте осторожны! Такое желаніе равносильно стремленію произвести насиліе надъ пролетаріатомъ. А тогда, подвергшіеся насилію работники, способны дѣйствовать за одно съ своими

предпринимателями. Наконецъ, надо принять во вниманіе и положеніе крестьянъ. Если ихъ интересы будутъ нарушены всеобщей стачкой, не толкнемъ ли мы ихъ въ лагерь буржуазіи? Между тѣмъ мы не можемъ произвести революціи помимо воли крестьянъ. Всеобщая стачка вмѣсто того, чтобы быть орудіемъ революціи, топоры крестьянъ присоединитъ къ ружьямъ солдатъ". Надъ этими словами стоитъ подумать. Само собою разумѣется, при этомъ слѣдуетъ помнить, что Гедъ высказалъ свои соображенія, примѣняясь къ условіямъ той политической и соціальной обстановки, среди которой онъ живетъ и дѣйствуетъ.

II.

Я недавно перечитывалъ сочиненія Томсона, Луи Блана и Прудона. Случаю было угодно, чтобы одновременно въ мои руки попалась толстая книга „Нужды деревни", и я прочелъ въ ней статью г. Пѣшехонова: „Земельныя нужды деревни". Немного времени спустя, я прочелъ въ газетѣ „Русскія Вѣдомости" еще и рядъ статей того же автора подъ заголовкомъ: „Основныя задачи аграрной реформы". Меня поразило необыкновенное сходство въ основныхъ воззрѣніяхъ этихъ писателей, которое сказывается въ необыкновенной простотѣ, но и полнѣйшей неясности ихъ практическихъ платформъ. Для представителя русскаго народничества это очень характерно. Русское народничество всегда отличалось широтой размаха своихъ идеаловъ и большой наклонностью къ утопизму, который такъ соотвѣтствуетъ русской натурѣ. Еще Некрасовъ когда-то сказалъ, что „русскій человѣкъ по свѣту рыщетъ, дѣла исполинскаго себѣ ищетъ", а между тѣмъ самыя основныя стороны его жизни не устроены, не организованы; у него нѣтъ пониманія, что „нельзя и не слѣдуетъ устраивать людей по выработанному шаблону, но что можно и должно помогать имъ устраиваться". Этотъ процессъ устроенія людей чрезъ самихъ себя медленъ, но проченъ, и вѣрная дорога будетъ найдена только тогда, когда утопизмъ смѣнится яснымъ представленіемъ о самыхъ осно-

вахъ современнаго хозяйства во всемъ его цѣломъ, и когда самый идеалъ распредѣлительной справедливости сдѣлается столь же опредѣленнымъ, благодаря пониманію этихъ основъ современнаго хозяйства. Я хорошо знаю, что широта размаха русскихъ идеаловъ всегда ставится намъ въ заслугу. Въ немъ видятъ отсутствіе той буржуазной гнили, которая заѣла западъ, которая на мѣсто свѣжаго, искренняго чувства ставитъ только подлѣйшіе компромисы и приспособленіе къ условіямъ времени. Когда я въ первый разъ въ своей жизни отправился за границу, будучи еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, меня поразило практическое настроеніе западной демократіи и западной университетской науки. Я выразилъ свое настроеніе въ дружескомъ письмѣ къ покойному нынѣ профессору Н. А. Карышеву и получилъ отвѣтъ, который въ свое время меня очень поразилъ. „Не давайте себя побѣдить, писалъ Николай Александровичъ, софизмами этихъ кафедральныхъ межеумковъ, этой гнилой буржуазіи, мечащейся въ ужасѣ передъ краснымъ знаменемъ, создающей свои теоріи, въ которыхъ видно полное отсутствіе творчества, сидѣніе между двухъ стульевъ, боязнь послѣднихъ конечныхъ выводовъ, исканіе спасенія въ отрицаніи того, что дважды два не пять. Неужели человѣку со свѣжей головой и безъ предразсудковъ, человѣку съ подготовкой въ соціальныхъ вопросахъ можно еще серьезно останавливаться на дѣтскомъ лепетѣ этихъ несчастныхъ Вагнеровъ, Шефле и т. п., о которыхъ чрезъ два-три десятка лѣтъ будутъ говорить только со смѣхомъ? Вы спрашиваете, признаю ли я трудовую теорію цѣнности? Пощадите! Да въ здравомъ умѣ и твердой памяти, и вмѣстѣ *добросовѣстно*, можно ли сказать противъ нея хоть слово? Неужто же вы серьезно думаете, что катедеры думаютъ иначе? Неужто вы не понимаете, что они *не смѣютъ* говорить этого, ибо въ тотъ день, когда они признали бы ее открыто, они должны были бы сложить оружіе и въ политикѣ, какъ націоналъ-либералы, и во всемъ своемъ міровоззрѣніи, и идти покорно вмѣстѣ съ своими врагами“ (письмо отъ 19-го мая 1892 г.).

Да будетъ благословенна память объ этомъ честномъ

человѣкѣ! Какъ русскій человѣкъ, онъ не хотѣлъ быть неискреннимъ, хотѣлъ правдѣ смотрѣть въ глаза, но онъ не убѣдилъ меня, и я никогда не могъ согласиться, что трудовая цѣнность и принадлежность всей суммы цѣнности, произведенной трудящимся, работнику, какъ таковому, можетъ быть высшимъ и конечнымъ идеаломъ распредѣлительной справедливости. Не могъ онъ меня убѣдить и въ томъ, что стоитъ формулировать принципы, чтобы тѣмъ самымъ предопредѣлить практическій путь, которымъ слѣдуетъ идти. Я говорю это не для того, чтобы оправдать буржуазное настроеніе западной демократіи и отчасти западной университетской науки. Въ сидѣніи между двухъ стульевъ нѣтъ ничего привлекательнаго, но заботиться о ясности и опредѣленности, о научной силѣ теоретическихъ принциповъ также необходимо, какъ и искать практическихъ путей для осуществленія этихъ принциповъ. Свѣжая голова и отсутствіе предразсудковъ—это хорошо сказано! Но свѣжая голова иногда означаетъ только недостаточную ясность теоретическаго анализа, а отсутствіе предразсудковъ—широкій размахъ невыполнимыхъ желаній.

Г. Пѣшехоновъ—сынъ своего народа. Онъ страдаетъ страданіями народа, вѣритъ въ трудовую цѣнность, какъ въ незыблемый научный законъ, съ особымъ сочувствіемъ отмѣчаетъ, что у русскаго народа и у русскихъ экономистовъ сохранился взглядъ на землю, какъ на „Божію и Государеву“, онъ хочетъ свободы не собственниковъ, а населенія, и въ результатѣ формулируетъ свою практическую платформу такимъ образомъ: „мнѣ хочется указать лишь то направленіе, въ которомъ общественная мысль можетъ искать и найти справедливое и цѣлесообразное рѣшеніе аграрной проблемы.

Для этого необходимо, чтобы государство обезпечило прежде всего то, что создается его коллективными усиліями. Когда же эта половина задачи будетъ выполнена, государству, опирающемуся на громадный и все увеличивающійся запасъ собственныхъ земель и на фиксированныя цѣны на землю, легче будетъ разрѣшить и другую половину той же проблемы—*обезпечить каждому все то, что создается его личными усиліями*“.

Въ другой статьѣ, отмѣченной нами, тотъ же г. Пѣшехоновъ пишетъ: „чтобы распутать основной узелъ аграрной проблемы, есть только одно средство: *земледѣльческаго производителя необходимо освободить отъ земельнаго собственника.* Задачъ аграрной реформы, поэтому, по его мнѣнію, три:

1. Необходимо право на землю объединить въ одномъ институтѣ, обезпечивъ при этомъ свободное размѣщеніе населенія по территоріи и свободное распредѣленіе его на классы (?). 2. Необходимо освободить земледѣльческую массу отъ эксплоатаціи ея земельными собственниками и для этого изыскать мѣры, чтобы земля не могла служить *средствомъ присвоенія прибавочнаго продукта, создаваемаго въ чужихъ хозяйствахъ*, и 3. нужно положить предѣлъ присвоенію земельными собственниками общественнаго достоянія въ видѣ ренты, представляющей результатъ коллективной жизни и коллективнаго труда".

Средства для проведенія въ жизнь аграрной реформы г. Пѣшехоновъ предполагаетъ найдти очень просто. „Если бюджетныхъ средствъ не найдется, пишетъ онъ, то необходимо прибѣгнуть къ займу. Мы должны уже болѣе шести милліардовъ, но еще на одинъ-два милліарда нашей кредитоспособности, конечно, хватитъ. Если же въ обычной формѣ намъ не повѣрятъ, то что дѣлать: надо заложить наши желѣзныя дороги".

Фиксированіе цѣны земли онъ также предполагаетъ произвести очень просто. „Но какъ государству, пишетъ онъ, оцѣнить, и при томъ безобидно оцѣнить, сто милліоновъ десятинъ частной земельной собственности? Технически, вѣдь, это невыполнимая задача. Пусть въ такомъ случаѣ самъ владѣлецъ оцѣнитъ свой участокъ и опредѣлитъ стоимость принадлежащаго ему имущества. Но пусть эта оцѣнка послужитъ основаніемъ и для налоговаго обложенія. Несомнѣнно, нѣкоторые владѣльцы пожелаютъ обезпечить себѣ возможно высшія и даже преднамѣренно вздутыя цѣны. Но они скоро убѣдятся, что это невыгодно. Назначенную ими цѣну въ ближайшемъ будущемъ дать, быть можетъ, никто не захочетъ и въ видѣ налоговъ они, въ конечномъ счетѣ, за-

платятъ даже больше, чѣмъ сколько сейчасъ припишутъ стоимости своего имущества. *Наказывать ихъ за это*, конечно, не стоитъ: пусть имъ будетъ предоставлено право самимъ и понизить произведенную оцѣнку“ [1]).

Г. Пѣшехоновъ несомнѣнно *свѣжая голова* и у него нѣтъ *предразсудковъ*. Еще болѣе свѣжія головы, однако, были у Томсона, Луи Блана и Прудона. Заглянемъ же въ ихъ труды для того, чтобы составить себѣ представленіе о ихъ идеалахъ распредѣлительной справедливости и о тѣхъ путяхъ и средствахъ, которыми они хотѣли идти къ ихъ осуществленію. Этимъ самымъ мы уже отчасти дадимъ отвѣтъ на вопросъ, научилъ ли насъ чему либо г. Пѣшехоновъ или же его проектъ заставляетъ насъ укоризненно качать головой, съ сожалѣніемъ повторяя фразу: исторія ничему не научила соціальныхъ утопистовъ: одного чувства и настроенія недостаточно для людей, стремящихся быть руководителями общественнаго мнѣнія!

Томсонъ и Прудонъ, слѣдуя за Сэнъ-Симонистами, видѣли идеалъ распредѣлительной справедливости въ принадлежности трудящемуся полныхъ результатовъ его „личнаго труда“. Луи Бланъ далъ намъ другую, по его мнѣнію, болѣе благородную формулу распредѣлительной справедливости: всякому по его потребности. Какъ я уже сказалъ ранѣе, въ этихъ двухъ идеалахъ распредѣлительной справедливости сказались два непримиримыхъ воззрѣнія на существо современной капиталистической системы и на способы ея трансформаціи. Что же говорятъ намъ Томсонъ и Прудонъ?

По мнѣнію Томсона, цѣль человѣческой жизни заключается въ пріобрѣтеніи счастія для наибольшей массы человѣческихъ существъ. Вещественные элементы богатства, поэтому, должны быть такъ распредѣлены, чтобы 1) достигалось наибольшее равенство наслажденій и 2) обнаруживалось наибольшее развитіе производительности, т. е. наиболь-

---

[1]) См. Нужды деревни, т. II-й, отмѣченную статью, стр. въ особ. 86 и 155, также вторую его статью въ № 207, 1905 г. въ газетѣ „Русскія Вѣдомости“. Курсивъ принадлежитъ мнѣ.

шее умноженіе и изобиліе вещественныхъ элементовъ богатства.

Богатство, т. е. матеріальные продукты, создаются непосредственно трудомъ человѣка. Сильнѣйшее же и наиболѣе цѣлесообразное побужденіе къ развитію производительности заключается въ увѣренности тѣхъ, кто производитъ продукты, что результаты ихъ личнаго труда будутъ принадлежать всецѣло имъ, работающимъ. По его мнѣнію, всѣ неурядицы капиталистическаго строя устранятся, если человѣчество пойметъ эти основныя истины.

Томсонъ очень просто рѣшаетъ вопросъ о трансформаціи капиталистическаго строя. Онъ проповѣдываетъ идею свободнаго промышленнаго самоуправленія и видитъ въ производительныхъ товариществахъ Р. Овена начало лучшаго будущаго. Организація политическаго самоуправленія, на началахъ всеобщаго представительства, кажется ему, какъ практичному англичанину и вѣрному ученику Бентама, необходимымъ предварительнымъ условіемъ промышленнаго самоуправленія [1]).

Стоитъ, полагаетъ Томсонъ, обезпечить за каждымъ право на полный результатъ его труда, дозволить каждому свободно работать надъ чѣмъ угодно и любое количество времени, раз-

---

[1]) Управленіе съ народнымъ представительствомъ, пишетъ Томсонъ, необходимо для всеобщей обезпеченности, совершается ли трудъ однимъ или тысячами или десятками тысячъ людей, въ ассоціаціи или коопераціи. Обезпеченность необходима для воспроизводства. Обезпеченность же можетъ быть достигнута только чрезъ самоуправленіе, какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ. Самоуправленіе, по сколько оно касается внѣшнихъ дѣлъ, при существующихъ условіяхъ образованія и нравственности, можетъ быть достигнуто только чрезъ народное представительство. Такъ какъ равно въ интересахъ кооперативнаго и индивидуальнаго труда слѣдуетъ требовать народнаго представительства или самоуправленія для защиты и обезпеченія ихъ, то эта форма правленія должна повсемѣстно быть введена и всѣ причины, унижающія человѣка и способствующія его обѣдненію, должны быть устранены. При такомъ положеніи вещей, замѣчаетъ онъ далѣе, стремятся къ тому, чтобы *возвысить заработную плату* и постепенно дать каждому человѣку средней ловкости такое количество капитала, чтобы ему была обезпечена совокупность продуктовъ его труда полностью или почти полностью". См. l. c., т. II, стр. 353.

рѣшить свободу обмѣна продуктами, и народнохозяйственная жизнь придетъ въ порядокъ, въ состояніе естественнаго равновѣсія. Онъ вѣритъ, что при такихъ условіяхъ каждый будетъ получать за продуктъ своего труда равное же количество труда другого: всѣ будутъ благоденствовать, продукты будутъ свободно размѣниваться, какъ трудовыя цѣнности, и производство достигнетъ наивысшихъ возможныхъ размѣровъ.

Томсонъ, однако, и самъ замѣчаетъ, что вопросъ о реорганизаціи капиталистическаго строя не такъ просто рѣшается. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего труда онъ говоритъ уже не о правѣ на полный продуктъ труда каждаго индивидуальнаго работника, а выражается болѣе обще и абстрактнѣе: „трудъ, т. е. вся совокупность работающихъ, долженъ наслаждаться общимъ вещественнымъ результатомъ своихъ усилій“; „доли въ этихъ результатахъ труда, кто такъ или иначе содѣйствуютъ созданію продукта своими духовными или тѣлесными способностями, должны быть равны“. Какъ человѣкъ добросовѣстный, онъ видитъ, что даже при одномъ различіи въ способностяхъ человѣка возможно возникновеніе неравенства. Поэтому онъ скромно добавляетъ: „хотя трудъ и имѣетъ право на полный результатъ своего труда, но работающіе, прежде чѣмъ начать производство, могутъ установить для себя добровольно равенство вознагражденія“. Много трогательныхъ страницъ написалъ Томсонъ, чтобы доказать, что равенство вознагражденія приведетъ къ соціальному блаженству, но для всякаго ясно, какъ безплодно и противорѣчиво все его построеніе относительно провозглашенія полнаго права на продуктъ личнаго труда.

Всякій, кто знакомъ съ сочиненіями и жизнью Прудона, знаетъ, что его теоретическая схема близка съ таковой же Томсона. По своимъ практическимъ результатамъ она оказалась безплодной, какъ провозглашеніе моральнаго начала распредѣлительной справедливости—не вѣрной, но въ тоже время система эта, какъ увидимъ, пыталась вывести формулу распредѣлительной справедливости изъ самаго существа хозяйства объединенныхъ людей.

Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, въ частности и въ трак-

татѣ о собственности [1]), Прудонъ повторяетъ свои излюбленныя идеи. „Продукты покупаются только продуктами. Отсюда слѣдуетъ, что условіемъ всякаго обмѣна является эквивалентность продуктовъ, а всякій барышъ несправедливъ и невозможенъ. Соблюдайте этотъ принципъ элементарной экономіи и пауперизмъ, роскошь, подавленіе, порокъ вмѣстѣ съ голодомъ исчезнутъ изъ вашей среды. Обмѣнъ въ качествѣ необходимаго условія предполагаетъ свободу договаривающихся и эквивалентность промѣниваемыхъ продуктовъ: отсюда слѣдуетъ, что при цѣнности, имѣющей своимъ выраженіемъ сумму времени и издержекъ, которыя каждый продуктъ стоитъ, и при ненарушимой свободѣ, всѣ работники необходимо имѣютъ равныя заработныя платы, такъ же точно, какъ они равны по своимъ правамъ и обязанностямъ. Право оккупаціи тогда равно для всѣхъ, собственность видоизмѣняется соотвѣтственно съ количествомъ владѣльцевъ. Такъ создается свободная ассоціація при свободѣ, которая только стремится поддерживать равенство въ средствахъ производства и равенство въ обмѣнахъ. Такъ создается союзъ порядка и анархіи“.

Въ другомъ своемъ сочиненіи [2]) онъ пишетъ: „я прежде всего долженъ замѣтить, что формула Луи Блана: организація труда обращается въ другую болѣе простую: право на трудъ. Проанализируемъ эту идею. Право на трудъ предполагаетъ пользованіе орудіями, безъ которыхъ трудящійся не можетъ работать. Это первый пунктъ. Но это не все. Работникъ нуждается, кромѣ орудій и инструментовъ своего искусства, еще въ матеріалѣ, ибо никто не работаетъ надъ пустотой, также какъ и не пишутъ по вѣтру. Право на трудъ включаетъ, такимъ образомъ, въ себя еще и право на матеріалъ.

Но къ чему бы служилъ трудъ, если бы работникъ не былъ собственникомъ своего продукта, всего своего продукта цѣликомъ? Если бы, какъ въ настоящее время, онъ лишился

---

[1]) См. Qu'est que la propriété, nouv. édit, т I, стр. 225—6.

[2]) Рядъ статей въ февралѣ и мартѣ 1849 г. „Demonstration du socialisme“, т. VII стараго изданія.

части продукта подъ названіемъ прибыли, наемной платы или процента, то онъ впалъ бы въ тоже положеніе, изъ котораго стремился выйдти. Работникъ долженъ быть владѣльцемъ всего своего продукта.

Но остается еще одно условіе, безъ котораго право на трудъ было бы призракомъ. Работникъ долженъ имѣть возможность обмѣнять свой продуктъ, ибо безъ обмѣна существующій продуктъ какъ бы и не существуетъ.

Прежде чѣмъ пользоваться продуктомъ своего труда, работникъ долженъ получить отъ общества, которое ему гарантируетъ трудъ четыре вещи: орудія труда, матеріалъ, собственность на продуктъ и обмѣнъ, т. е. оно должно дать ему кредитъ. Тогда получается слѣдующая формула:

право на трудъ	право на орудія право на матеріалъ право на продуктъ право на обмѣнъ	= равны праву на кредитъ.

Но когда каждый гражданинъ имѣетъ право на трудъ, это означаетъ, что онъ обязанъ, какъ заемщикъ, поставить опредѣленное количество труда. Отсюда, при равенствѣ правъ и обязанностей, получается другая формула столь же справедливая:

кто беретъ въ заемъ трудъ	беретъ въ заемъ орудіе „ „ „ матеріалъ „ „ „ продуктъ „ „ „ обмѣнъ	= получаетъ кредитъ.

Въ результатѣ, какъ извѣстно, Прудонъ въ своемъ анархическомъ идеалѣ требовалъ только свободы и кредита. Кредитъ долженъ былъ спасти весь міръ путемъ Народнаго Банка.

Свободный обмѣнъ, свободный кредитъ, свободное производство—были лозунги Прудона. Анархія должна была создать порядокъ при провозглашеніи его принциповъ. Равенство заработной платы должно было установиться само собой, хотя и не безъ весьма тяжкой необходимости ограничивать возможность труда для каждаго, какъ видно изъ приводимаго ниже примѣчанія [1]).

[1]) Въ своемъ сочиненіи о собственности вотъ какъ Прудонъ обосновываетъ

Сторонникъ единенія порядка и анархіи Прудонъ и оптимистъ промышленнаго самоуправленія Томсонъ, такимъ образомъ, въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ близко схо-

---

это равенство заработныхъ платъ. „Поскольку работники, трудящіеся въ обществѣ, равны, было бы противорѣчіемъ, чтобы одинъ оплачивался болѣе, чѣмъ другой. Такъ какъ продуктъ одного работника оплачивается только продуктомъ другого, то если оба продукта неравны, то остатокъ или разница большаго или меньшаго не будетъ пріобрѣтенъ обществомъ, а, слѣдовательно, не поступивъ въ обмѣнъ, не окажетъ никакого вліянія на неравенство заработныхъ платъ. Отсюда проистечетъ, если угодно, для болѣе сильнаго работника неравенство естественное, но не неравенство соціальное, причемъ никто не пострадаетъ отъ его силы и его производительной энергіи. Другими словами, общество обмѣниваетъ только равные продукты, т. е. оплачиваетъ только работы, сдѣланныя для него, слѣдовательно, оно одинаково оплачиваетъ всѣхъ работниковъ. То, что работники производятъ внѣ общества, также мало его касается, какъ различіе голосовъ и волосъ работниковъ. Можетъ показаться, что я самъ устанавливаю принципъ неравенства: совершенно наоборотъ. Сумма работъ, которыя могутъ быть выполнены для общества, т. е. работъ, которыя могутъ подлежать обмѣну, будучи, при данномъ фондѣ эксплоатаціи, болѣе обширными въ зависимости отъ увеличенія числа работниковъ и по задачѣ, предоставленной каждому, болѣе ограниченными, вызываетъ какъ свое послѣдствіе то обстоятельство, что они нейтрализуются по мѣрѣ расширенія ассоціаціи. Большое количество потребляемыхъ цѣнностей производится соціально: такимъ образомъ единственное обстоятельство, которое могло бы возстановить неравенство заключалось бы въ правѣ оккупаціи, въ правѣ собственности. Такъ предположимъ, что дневная соціальная работа, оцѣниваемая въ обработкѣ земли: въ паханіи, въ собираніи урожая и т. п. на двухъ декаметрахъ въ среднемъ требуетъ семь часовъ: одинъ работникъ окончитъ ее въ шесть съ половиной, другой въ восемь часовъ. Большинство потратитъ только семь часовъ, но лишь бы каждый поставилъ необходимое количество часовъ, какое бы количество времени онъ ни потратилъ, онъ имѣетъ право на равное вознагражденіе. Работникъ, могущій окончить свою задачу въ шесть часовъ, имѣетъ ли право подъ предлогомъ своей силы и большей производительности захватить работу работника менѣе способнаго и, такимъ образомъ, лишить его труда и хлѣба? Кто можетъ поддерживать такой поступокъ? Пусть тотъ, *который ранѣе оканчиваетъ, отдыхаетъ, если желаетъ, пусть предается, для поддержанія своихъ силъ и для образованія своего разума, другимъ полезнымъ упражненіямъ и работамъ. Онъ можетъ такъ поступать не совершая вреда ни для кого. но пусть онъ воздержится отъ своихъ услугъ, вызванныхъ интересомъ.* Сила, геній, прилежаніе и всѣ личныя преимущества, которыя вытекаютъ изъ этихъ свойствъ, являются фактомъ природы и отчасти индивида: общество оцѣниваетъ ихъ поскольку они заслуживаютъ. Но вознагражденіе, которое оно имъ даетъ пропорціонально не тому, что они могутъ, а *тому, что они производятъ, т. е. продуктъ каждаго ограничивается правомъ всѣхъ*, см. l. c. Qu'est que la propriété, premier mémoire, § 6: que dans la société tous les salaires sont égaux, стр. 100—101.

дятся. Оба полагаютъ, что провозглашеніе права на полный продуктъ труда приведетъ нашу капиталистическую систему въ желанное равновѣсіе и, въ результатѣ, приходятъ къ мысли, что въ такомъ обществѣ можетъ или должна существовать система полнаго равенства вознагражденія или заработной платы. Какъ это будетъ достигнуто, Прудонъ намъ не говоритъ: онъ просто не представляетъ себѣ другой возможности. Томсонъ, какъ мы видѣли, сознавая возможность установленія неравенства, настаиваетъ на добровольномъ раздѣлѣ поровну.

При разборѣ этихъ двухъ соціальныхъ системъ необходимо поставить два вопроса: 1) во-первыхъ, насколько онѣ согласуются съ идеаломъ распредѣлительной справедливости и насколько соотвѣтствуетъ провозглашеніе принципа полной принадлежности результатовъ личнаго труда работающему съ окончательнымъ выводомъ этихъ системъ—принципомъ полнаго равенства доходовъ и 2) насколько этотъ идеалъ согласуется съ самимъ анализомъ капиталистической системы и ея недостатковъ [1]).

Какъ извѣстно, Луи Бланъ былъ рѣшительнымъ противникомъ этихъ двухъ системъ. Ему казалось, что идеалъ распредѣлительной справедливости, выработанный ими, въ корнѣ ошибоченъ.

Луи Бланъ—прогрессистъ. Цѣлью прогресса, по его мнѣнію, является усовершенствованіе судьбы всѣхъ людей въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи чрезъ свободное соперничество всѣхъ и братскую соціализацію взаимныхъ связей. Признавъ право на трудъ, мы, по его убѣжденію, еще мало сдѣлаемъ для справедливости и для осуществленія идеала братства останется долгій путь. Люди, рождаясь, пріобрѣтаютъ право на существованіе. Способность работать является средствомъ для осуществленія права на бытіе. Стоитъ поставить открыто вопросъ: могутъ ли немногіе завладѣть всѣми источниками производства, обратить всѣхъ въ рабство

---

[1]) См. его Organisation der Arbeit, пер. съ 9-го фран. изданія Прагера, Berlin, 1899 г., стр. 5, 8, 28, 203, 94, 261, 94—98 и passim.

и заставить умирать съ голода, чтобы былъ возможенъ единственный отвѣтъ: нѣтъ, не могутъ. Система индивидуальнаго соперничества, которая не даетъ возможности работнику трудиться или оплачиваетъ его впроголодь, источникъ всѣхъ страданій человѣчества и ее слѣдуетъ замѣнить системой братской солидарности.

Эта система братской солидарности представляется, однако, ему въ совсѣмъ другомъ видѣ, чѣмъ Томсону, и въ особенности Сэнъ Симону, съ которымъ онъ постоянно полемизируетъ. По его убѣжденію, Сэнъ Симоновская система раздѣленія общественно-добытаго продукта согласно труду и обнаруженнымъ имъ способностямъ: „à chacun selon sa capacité, a chaque capacité selon ses oeuvres“ болѣе, чѣмъ опасна: она, грѣшна“.

Луи Бланъ признается, что въ первомъ изданіи своей брошюры объ организаціи труда онъ высказывался за равенство заработныхъ платъ и за равный раздѣлъ прибыли. Возражая Мишелю Шевалье въ одной изъ своихъ газетныхъ статей онъ заявляетъ, что, такъ какъ люди имѣютъ разныя способности и разныя потребности, такъ какъ жизнь общества дѣлается возможной только благодаря наличности разнообразныхъ дѣятельностей, было бы сумасбродствомъ проповѣдывать всеобщее равенство...

Система неравенства заработныхъ платъ, полагаетъ Луи Бланъ, наиболѣе соотвѣтствуетъ нашимъ обычаямъ и нравамъ, всей совокупности распространенныхъ среди общества идей. По чисто практическимъ соображеніямъ можно было бы предпочесть эту систему. Онъ называетъ неправдой утвержденіе, будто онъ осуждалъ систему неравенства платъ, соединенную съ равнымъ раздѣломъ прибыли. Вѣрно только то, что онъ противопоставлялъ этой системѣ другую, которая болѣе соотвѣтствуетъ его сокровеннымъ чаяніямъ объ эпохѣ будущаго братства. Истинное равенство, сестрою котораго является братство,—это такое равенство, которое ставитъ трудъ въ соотношеніе со способностями, результаты труда въ соотношеніе съ потребностями. Отсюда вытекаетъ формула распредѣлительной справедливости: *„каждый долженъ тру-*

диться соотвѣтственно со своими способностями и силамъ, каждый долженъ получить возможность наслаждаться по мѣрѣ своихъ потребностей". Итакъ, вотъ система Луи Блана: неравенство заработныхъ платъ и равный раздѣлъ прибыли, какъ переходная историческая стадія, полное удовлетвореніе потребностей, какъ идеалъ распредѣлительной справедливости въ будущей системѣ соціальнаго братства всѣхъ трудящихся, въ чемъ бы ихъ трудъ ни воплощался и какого бы онъ ни былъ качества и рода [1]).

Я не могу сказать вмѣстѣ съ Луи Блановъ, что система распредѣленія Сэнъ—Симонистовъ, Томсона и Прудона „грѣшна". Въ область религіозной метафизики проникать я не имѣю ни малѣйшаго желанія. Но какъ идеалъ распредѣлительной справедливости система Луи Блана, конечно, выше. Если наша мечта о соціальномъ государствѣ должна быть возвышена до послѣднихъ ступеней идеализма братской, человѣческой, взаимной любви, то она, безъ сомнѣнія, не можетъ держаться въ предѣлахъ буржуазной морали: каждому по его трудамъ и способностямъ [2]). Высокая мечта создать

---

[1]) Нельзя сказать, чтобы Луи Блант сколько нибудь опредѣленно выяснилъ свою систему неравенства заработныхъ платъ. Въ одномъ мѣстѣ отмѣченнаго своего труда, развивая проектъ производительныхъ товариществъ, онъ пишетъ: „слѣдовало бы во всѣхъ мастерскихъ одного рода установить не равную, а относительную заработную плату, такъ какъ матеріальныя условія существованія не вездѣ одинаковы". Какъ слѣдуетъ поступить въ мастерскихъ разнаго рода, не слѣдуетъ ли дифференцировать плату и по другимъ соображеніямъ, онъ опредѣлительно не говоритъ. Не слѣдуетъ забывать и того, что Луи Бланъ требуетъ организаціи производительныхъ товариществъ въ возможно крупныхъ размѣрахъ, какъ въ фабрикаціи, такъ и въ земледѣліи. Онъ полагаетъ, что Франція разорена *вслѣдствіе господства въ ней мелкаго крестьянскаго хозяйства.*

[2]) Въ сообществѣ людей, пишетъ Прудонъ, функціи ихъ не похожи одна на другую: должны, поэтому, существовать и разныя способности. Даже болѣе, нѣкоторыя функціи требуютъ большей интеллигенціи и знаній: существуютъ, поэтому, субъекты большаго разума и таланта. Ибо дѣло, которое надо совершить, необходимо находитъ работника: потребность создаетъ идею, а идея создаетъ работника. То, что теперь называютъ неравенствомъ способностей, при болѣе счастливыхъ условіяхъ, будутъ называть разнообразіемъ способностей.... Подобно тому какъ созданіе каждаго орудія производства является результатомъ коллективной силы, также точно талантъ и наука въ человѣкѣ являются резуль-

такой общественный строй, когда каждый будетъ отдавать всѣ свои силы на служеніе обществу и получать все, что онъ находитъ для себя необходимымъ, всегда будетъ привлекать симпатіи высокихъ идеалистовъ. Каутскій въ своей Эрфуртской программѣ справедливо замѣчаетъ, что „примѣненіе науки къ промышленности, можно представить себѣ, создастъ со временемъ столь высокую производительность труда, что люди могутъ имѣть въ избыткѣ все, что имъ понадобится и тогда формула Луи Блана будетъ проведена въ жизнь легко, почти сама собою. Но самое глубокое убѣжденіе въ справедливости этой формулы не сможетъ ничего сдѣлать, если производительность труда останется столь незначительной, что нельзя будетъ безъ чрезмѣрной затраты труда произвести болѣе, чѣмъ необходимо". Онъ правъ. Высокій оптимизмъ всегда будетъ служить для человѣчества свѣточемъ въ его упованіяхъ, но голосъ жизни будетъ всегда ставить вопросъ при реальной работѣ по реорганизаціи хозяйства, гдѣ же и каковы тѣ переходныя ступени, по которымъ, развивая все болѣе и болѣе стимулы къ увеличенію производительности труда, мы можемъ взойти въ радостное царство свободы труда и наслажденій. Внимательный читатель легко замѣтитъ, что въ системахъ Томсона и Прудона есть внутреннее противорѣчіе, если разсматривать ихъ не только съ экономической точки зрѣнія, но и съ чисто нравственной. Провозгласивъ свой принципъ: каждому продуктъ его труда, они затѣмъ склоняются къ системѣ добровольнаго равнаго раздѣла, т. е. въ сущности къ системѣ Луи Блана.

татомъ всеобщей интеллигентности и всеобщаго знанія медленно накопленнаго массою мастеровъ и при помощи массы болѣе низменныхъ промысловъ. Человѣкъ таланта далъ возможность создать изъ себя полезное орудіе: онъ является совладѣльцемъ. Въ немъ заключенъ свободный работникъ и накопленный соціальный капиталъ: какъ работникъ онъ приставленъ для пользованія орудіемъ, какъ руководитель машины, которой являются его собственныя способности; какъ капиталъ, онъ не принадлежитъ себѣ; онъ эксплуатируетъ себя не для себя, а для другихъ.... Каковы бы слѣдовательно ни были способности человѣка, разъ онѣ созданы, они ему болѣе не принадлежатъ"... Исходя изъ такой соціальной точки зрѣнія Прудонъ требуетъ единства и равенства вознагражденія. См. Qu'estce que la propriété, prem. mémoire, § 7, стр. 105, 115 и passim.

Равный раздѣлъ продукта есть ничто иное какъ провозглашеніе права на существованіе и удовлетвореніе потребностей для всѣхъ въ предѣлахъ наличнаго запаса благъ, созданныхъ трудящимся обществомъ. Тотъ основной стимулъ къ развитію производительности труда, который они видѣли въ принадлежности каждому продукта его труда, замѣняется незамѣтно благородными побужденіями братской солидарности и увѣренностью всѣхъ и каждаго, что при такой системѣ организаціи хозяйства, жизнь каждаго индивида и всего общества будетъ имѣть совершенно *обезпеченный характеръ* [1]).

Реорганизація хозяйства какъ бы возвращаетъ человѣку то право на „беззаботность", которое, какъ полагалъ Фурье, принадлежало человѣку въ его первобытномъ состояніи. Обѣ формулы имѣютъ совершенно равное значеніе въ своемъ конечномъ выводѣ при предположеніи, что обязанность и возможность организованнаго труда создастъ неисчерпаемое многообразіе и изобиліе продуктовъ и доля каждаго опредѣлится возможной наличностью продукта и возможнымъ количествомъ человѣческихъ существъ, на него претендующихъ. Эти замѣчанія имѣютъ глубоко-важное значеніе. Они показываютъ намъ, что, въ поискахъ за справедливой формулой распредѣлительной справедливости, мы въ тоже время должны заботиться о такой организаціи хозяйства, которая доставила бы всѣмъ равную обезпеченность существованія. Формула распредѣлительной справедливости можетъ быть найдена только тѣмъ обществомъ, которое умѣетъ создать правильную организацію труда. Стоя на почвѣ этого высокаго идеализма и оптимизма, мы не можемъ сказать, приведетъ ли провозглашеніе этого права на удовлетвореніе своихъ потребностей къ

---

[1]) Эту особенность соціалистической организаціи особенно подчеркиваетъ Каутскій въ своей комментаріи къ Эрфуртской программѣ: „если увеличеніе благосостоянія затрагиваетъ только нынѣшнихъ эксплуатируемыхъ, то обезпеченіе существованія будетъ даже для нынѣшнихъ эксплуататоровъ... Необезпеченность тяготѣетъ надъ богатымъ, также какъ и надъ бѣднымъ, а она, можетъ быть мучительнѣе, чѣмъ самая нужда: она даетъ себя чувствовать даже тѣмъ, кто ее не испытываетъ физически, она является призракомъ, который заглядываетъ даже во дворцы".

безграничному размноженію. Среди владѣющихъ классовъ часто слышенъ этотъ аргументъ, но онъ всегда покоится на неясныхъ догадкахъ.

Біологическій законъ размноженія въ этой иной соціальной обстановкѣ для насъ загадка, которую мы не можемъ разрѣшить. Исторія насъ учитъ, что всякая эпоха имѣетъ для тенденціи къ размноженію свои естественныя и соціальныя ограниченія. По справедливому выраженію Родбертуса, идея о безграничномъ размноженіи рода человѣческаго также нелѣпа, какъ и представленія о безграничномъ усовершенствованіи производительности труда и о безграничной продолжительности человѣческой жизни до предѣловъ вѣчности, какъ мечталъ Кондорсе. Ограниченія, которыми связана наша жизнь и матеріальное бытіе, вполнѣ, конечно, не устранимы, но отсюда не слѣдуетъ, что расширеніе предѣловъ для усовершенствованія матеріальной и духовной жизни человѣка невозможно.

Практическій идеалистъ долженъ, однако, стоять ближе къ требованіямъ жизни и глубже понимать самую сущность соціальнаго механизма. Для него становится тотчасъ же ясно, что провозглашеніе права на полный продуктъ личнаго труда и несправедливо и невозможно. Томсонъ и Прудонъ яснѣе, чѣмъ кто бы то ни было до нихъ подчеркнули, разсуждая о вознагражденіи таланта и способностей, что продуктъ является соціальнымъ результатомъ, что, слѣдовательно, каждый имѣетъ право на *долю этого продукта*, но не *на полный результатъ своего труда*. Исчислить, что каждый произвелъ своимъ трудомъ, при соціальномъ характерѣ общественнаго производства, невозможно и, начавъ свое построеніе какъ индивидуалисты, Томсонъ и Прудонъ переходятъ на соціальную точку зрѣнія, которая необходимо приводитъ къ отрицанію личнаго права на полный продуктъ труда и ведетъ ихъ къ провозглашенію равнаго раздѣла продукта, который совершенно уничтожаетъ ихъ первую формулу. Но и этого мало. Формула эта должна быть признана нелѣпостью и потому, что она разсматриваетъ общество, какъ состоящее только изъ производителей матеріальныхъ благъ и игнорируетъ то

обстоятельство, что доля общественнаго продукта должна быть взята для выполненія цѣлаго ряда необходимыхъ общественныхъ функцій и для устроенія технической организаціи промысловъ, для обезпеченія ихъ капиталомъ и проч.

Нѣкоторая часть изъ доли каждаго, если бы даже было возможно исчисленіе вполнѣ точное того, что каждый произвелъ, должна быть отчислена на удовлетвореніе такъ называемаго *общественнаго потребленія*, т. е. „для обоснованія, поддержанія или расширенія общественныхъ учрежденій съ воспитательными, лѣчебными и т. п. цѣлями“, какъ выражается Каутскій. Только остатокъ продукта могъ бы распредѣляться между членами такого хозяйствующаго общества, но и то не весь, ибо пришлось бы заботиться и о поддержаніи орудій и средствъ производства и о накопленіи средствъ для ихъ умноженія по мѣрѣ наростанія потребностей хозяйствующаго общества. Пришлось бы какъ то нормировать право накопленія продуктовъ личнаго труда безъ потребленія и ихъ передачи, т. е. условія дарственнаго и наслѣдственнаго права. Гармоническая механика мѣноваго хозяйства Томсона и Прудона при одномъ провозглашеніи полнаго права на продуктъ личнаго труда могла бы оказаться анархіей, но не порядка, а безпорядка, и незамѣтно могла бы привести къ возстановленію частной собственности на средства производства со всѣми ея *послѣдствіями* [1]).

Современный теоретикъ соціализма Каутскій [2]) далекъ отъ мысли считать равенство вознагражденія идеаломъ распредѣлительной справедливости. Правда онъ полагаетъ, „что въ соціалистическомъ государствѣ равенство доходовъ или матеріальныхъ условій существованія, которое не должно, однако, означать однообразія, проявится не какъ цѣль какого нибудь уравненія, вводимаго путемъ прямого принужденія, а

[1]) Самъ Прудонъ въ одномъ изъ мѣстъ своего труда о собственности (см. Qu'est ce que la propriété, nouv. ed., стр. 72) восклицаетъ: „Ah! le problème est resolu! La propriété fille du Travail! Qu'est-ce que donc que le droit d'accession, et le droit de succession, et le droit de donation etc. sinon le droit de devenir propriétaire par la simple occupation?“

[2]) см. Каутскій. Эрфуртская программа, l. e. стр. 113.

какъ цѣль естественнаго процесса развитія", т. е. какъ извѣстная тенденція, но въ то же время онъ категорически заявляетъ, что противники соціализма не доказали, будто равенство доходовъ вытекаетъ изъ сущности соціалистическаго производства. „Бѣглый взглядъ, по его мнѣнію, на до сихъ поръ существовавшія различныя формы коммунистическаго производства,—отъ самаго примитивнаго коммунизма первобытныхъ дикарей вплоть до сельскихъ и семейныхъ общинъ крестьянъ, показываетъ, какія разнообразныя формы распредѣленія продуктовъ соединимы съ общей собственностью на средства производства. Всѣ формы нынѣшней системы вознагражденія—постоянное жалованье, повременная плата, поштучная плата, преміи за работу, превышающія извѣстную норму, различная оплата разныхъ работъ—всѣ эти формы вознагражденія совмѣстимы, разумѣется, въ соотвѣтственно измѣненномъ видѣ, съ сущностью соціалистическаго общества и каждая изъ нихъ можетъ соотвѣтственно различнымъ потребностямъ и привычкамъ общества и соотвѣтственно потребностямъ производства играть въ различныхъ обществахъ, въ то или иное время, болѣе или менѣе видную роль".

Эти слова очень характерны. Каутскій совершенно правъ, но онъ забываетъ только то, что не противники соціализма говорили о равенствѣ доходовъ, а сами соціалисты и что пресловутой основой этого утвержденія было ученіе о трудовой цѣнности и ученіе о равенствѣ заработныхъ платъ и прибылей въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Онъ былъ бы гораздо болѣе правъ, если бы постарался доказать, что системы Томсона и Прудона основаны на полнѣйшемъ непониманіи самаго существа капиталистической системы, что тоже обстоятельство, но только въ нѣсколько иной формѣ, сказывается и на системѣ Луи Блана и у многихъ его соратниковъ по борьбѣ за права труда. Тогда онъ съ успѣхомъ бы доказалъ, что увѣренность Прудона въ возможности самопроизвольнаго установленія равенства платъ также наивна, какъ и система Л. Блана равнаго раздѣла прибыли при неравенствѣ заработныхъ платъ. Какъ увидимъ ниже, трудовая идея цѣнности также малоприложима для объясненія жизни

капиталистическаго хозяйства, какъ было непригодно трудовое начало для обоснованія собственности, что такъ блестяще доказалъ тотъ же Прудонъ въ своемъ трактатѣ о собственности.

Соціальный утопизмъ Луи Блана сказывается въ убѣжденіи, что прибыль представляетъ собою нѣчто равное и что, раздѣливъ ее, мы создаемъ соціальное, братское равенство; утопизмъ Томсона и Прудона выражается въ ихъ полнѣйшемъ непониманіи соціальнаго размѣна продуктовъ, произведенныхъ въ самыхъ разнохарактерныхъ условіяхъ. По ихъ мнѣнію, свободный обмѣнъ продуктовъ, даже при полной свободѣ въ организаціи труда и при полномъ просторѣ въ употребленіи своего времени, неизбѣжно совершается, какъ *обмѣнъ трудовыхъ цѣнностей.* Эта идея представляетъ собою зародышъ пресловутой идеи товарнаго фетишизма, которая повторяется у всѣхъ рикардіанцевъ и марксистовъ. Согласно этой идеѣ, при невозможномъ и никогда не существовавшемъ въ исторіи фактѣ принадлежности полнаго продукта труда работнику, обмѣнъ будто покоится на естественныхъ основаніяхъ, когда равныя по количеству затраченнаго труда продукты обмѣниваются, какъ трудовыя цѣнности и эквиваленты. Марксъ перевернулъ проблему Прудона и сказалъ, что въ капиталистическомъ обществѣ трудовая цѣнность уже является фактомъ реальной жизни и что эксплоатація работника совершается чрезъ присвоеніе прибавочной цѣнности, созданный трудомъ.

Другими словами, Томсонъ и Прудонъ учили, что господство трудовой цѣнности спасетъ міръ. Марксъ и его ученики полагали, что при реальномъ господствѣ трудовой цѣнности міръ представляетъ собою не что иное, какъ эксплоатацію капиталомъ работника; и оба теоретика ошибались, ибо *трудовая цѣнность* не является характеристикой капиталистическаго общества и господство ея не можетъ быть идеаломъ распредѣлительной справедливости.

Прудонъ вѣрилъ, что равенство заработной платы установится само собой, Луи Бланъ полагалъ возможнымъ допустить неравенство заработной платы и требовалъ равнаго

раздѣла прибыли, а жизнь и анализъ капиталистическаго хозяйства поставили вопросъ, существуетъ ли равенство заработной платы въ настоящій моментъ, и возможно ли и необходимо ли проведеніе этого принципа, какъ начала соціальной справедливости, существуетъ ли также пресловутое равенство прибыли, а потому возможенъ ли ея равный раздѣлъ, какъ таковое же начало соціальной справедливости? Тогда стало ясно для всѣхъ, что надо много думать и знать, чтобы разрѣшить повидимому простой вопросъ, какъ возвратить работнику прибавочную цѣнность его труда и какъ подвинуть нашу соціальную машину къ новымъ болѣе совершеннымъ условіямъ жизни?

III.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Родбертусъ писалъ: „да не только непосредственно предшествовавшіе и настоящіе хозяйственные работники стоятъ въ томъ трудовомъ общеніи, которое создаетъ національный продуктъ, но также и тѣ, которые непосредственно дѣятельны въ области права и науки, и именно потому непосредственно участвуютъ въ созданіи національнаго продукта. Поэтому организація собственности въ обществѣ никогда не совпадаетъ съ рабочей организаціей и не можетъ принять того вида, къ которому стремится часть современныхъ рабочихъ по непониманію соціальной жизни“. „Марксъ, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, ошибается въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, онъ думаетъ, что трудовая цѣнность реализовывается сама собою, тогда какъ это можетъ осуществиться только путемъ законовъ. Во вторыхъ, онъ смотритъ на тотъ соціальный фактъ, что рабочій не получаетъ полной цѣнности своего продукта, какъ на соціальную аномалію, тогда какъ таково нормальное положеніе. Дѣло идетъ исключительно о слишкомъ малой долѣ“. Исходя изъ такихъ положеній Родбертусъ въ теченіе всей своей жизни доказывалъ, что задачей ближайшаго будущаго должны быть два стремленія: 1) возвысить производительность труда и 2) озаботиться о созданіи *нормальной платы* въ

условіяхъ *нормально организованнаго труда* и послѣдовательно повышать ее по мѣрѣ роста общественной производительности.

Въ эпоху господства марксизма эти слова однимъ казались ересью, другимъ невѣжествомъ. Марксъ доказалъ, какъ казалось тогда, трудовую эквивалентность товарнаго обмѣна, исправилъ, окончательно разъяснилъ всѣ теоретическія построенія великаго Рикардо. Онъ нашелъ законы обмѣна и распредѣленія. Марксъ и самъ себѣ ставилъ въ заслугу, что перешелъ исключительно къ анализу производства, въ немъ открылъ тайну капиталистическаго хозяйства внѣ процессовъ обращенія.

Въ своей книгѣ: „Обмѣнъ и экономическая политика“, Юрьевъ, 1904 г., я началъ свой анализъ съ процесса обращенія. Изучая теорію внутренней и внѣшней торговли, начиная съ меркантилистовъ и до нашего времени, я убѣдился, что правильной теоріи обмѣна и распредѣленія, (а слѣдовательно и торговой прибыли), мы не находимъ у представителей классической и соціалистической школъ. Ихъ теорія противорѣчива и совершенно не согласуется съ ученіемъ о трудовой эквивалентности обмѣна, находится подъ прямымъ воздѣйствіемъ тѣхъ соціально политическихъ интересовъ, которыя намѣчали тотъ или иной путь для практическаго политика... Въ изложеніи своихъ взглядовъ я, однако, пойду въ настоящій моментъ нѣсколько инымъ путемъ соотвѣтственно съ той задачей, которую я теперь себѣ ставлю.

Читатель видѣлъ, что я убѣжденъ, что *идею трудовой цѣнности нельзя вывести изъ существа самаго капиталистическаго хозяйства, что она вовсе не нужна для сохраненія соціальной идеи въ экономіи и не можетъ быть для будущаго идеаломъ распредѣлительной справедливости.* Эту мысль я постараюсь доказать, прежде всего, чтобы затѣмъ перейти къ изложенію моихъ взглядовъ на анализъ современнаго хозяйства и на задачи грядущей экономической политики. Необходимо очистить политическую экономію отъ тѣхъ теоретическихъ путъ, которыя ее сковываютъ и мѣшаютъ развиться новымъ соціальнымъ и историческимъ взглядамъ.

Теоретику здѣсь предстоитъ трудная задача. Всѣмъ извѣстно, что съ ростомъ капиталистическаго хозяйства, когда самодовлѣющія и самопрокармливающіяся семейно-общинныя хозяйства отходятъ на задній планъ и перестаютъ быть наиболѣе распространеннымъ и характернымъ явленіемъ въ предѣлахъ народнаго хозяйства, распредѣленіе народнаго дохода начинаетъ совершаться чрезъ процессы обмѣна, чрезъ опредѣленіе продажной цѣнности или цѣны товаровъ. Борьба теоретика неизбѣжно должна быть направлена на доказательство безплодности ученія классиковъ и соціалистовъ о цѣнности для современной экономической эпохи. Но въ своей критикѣ онъ долженъ быть остороженъ. Я совершенно согласенъ съ англійскимъ экономистомъ Каннаномъ [1]), когда онъ пишетъ: „разсматривая теоріи производства и распредѣленія, какъ онѣ сложились въ концѣ первой половины— я сказалъ бы и до конца—19-го вѣка съ точки зрѣнія „абстрактнаго метода", скажемъ употребляя этотъ терминъ, который прилагали къ нему часто, хотя и невполнѣ точно, мы должны отнестись къ нимъ съ почти безусловнымъ осужденіемъ. Но если мы приложимъ къ нимъ историческій методъ и постараемся изслѣдовать, по сколько онѣ удовлетворяли практическимъ требованіямъ ихъ времени, то онѣ получатъ гораздо болѣе благопріятный вердиктъ". Въ слѣдующемъ параграфѣ читатель найдетъ такую историческую оцѣнку. Теперь же примемся за доказательство положенія, которое мы выше отчеркнули курсивомъ.

У всѣхъ писателей, пытавшихся объяснить явленія обмѣна путемъ экскурсовъ въ область естественнаго быта или чрезъ представленіе о принадлежности полнаго продукта труда работнику, мы встрѣчаемъ и представленіе о трудовой цѣнности. Марксъ не избѣгъ общей участи. По его мнѣнію, „и въ современную намъ капиталистическую эпоху производитель вноситъ въ общую массу богатства общества, т. е. въ массу

---

[1]) См. его Theories of Production and Distribution in English Political Economy from 1776 to 1848, 2 изд. London 1903, стр. 388.

товаровъ, свою долю. Она оцѣнивается соотвѣтственно съ массой затраченнаго на нее труда. Передачей этой доли онъ можетъ получить любой эквивалентъ такой же оцѣнки. Мѣновая цѣнность и есть поэтому только общественный способъ, которымъ выражается количество труда, потраченнаго на вещь". Какъ методологическій пріемъ такое представленіе допустимо, но при предположеніи двухъ необходимыхъ условій: во-первыхъ, условія жизни и дѣятельности всѣхъ индивидовъ даннаго общества совершенно одинаковы, точно также какъ и производительные результаты ихъ труда, и во-вторыхъ, что всѣ дифференціальные остатки въ производительности, какъ полагаетъ Прудонъ, не поступаютъ на рынокъ, или, выражаясь словами послѣдняго, не нейтрализуются взаимнымъ обмѣномъ. Въ своей книгѣ я иллюстрировалъ это положеніе простымъ примѣромъ. Пусть наше общество, предположимъ, состоитъ изъ двухъ хозяйствъ. Оба хозяйства для своего существованія должны организовать „вещественное производство" и дѣйствительно добываютъ себѣ весь нужный имъ продуктъ на началахъ раздѣленія труда. Земледѣлецъ А. готовитъ однимъ днемъ своего труда 10 пудовъ хлѣба, пять пудовъ ему потребно для удовлетворенія своихъ нуждъ по пропитанію; пять пудовъ онъ можетъ отчудить для удовлетворенія другихъ своихъ потребностей, скажемъ въ одеждѣ. Портной В. готовитъ платье и однимъ днемъ труда готовитъ двѣ пары платья: одну для себя, другую для удовлетворенія своихъ потребностей въ питаніи. При такихъ условіяхъ земледѣлецъ, очевидно, полдня своего труда, овеществившагося въ пяти пудахъ хлѣба, долженъ будетъ отдать за пару платья, т. е. за полдня труда своего же общественнаго собрата. Оба они иначе поступить не могутъ, ибо земледѣлецъ, въ противномъ случаѣ, останется безъ платья, портной безъ хлѣба. При ростѣ производительности труда, часть продукта можетъ быть захвачена землевладѣльцами и капиталистами, которые своими долями будутъ размѣниваться на такихъ же началахъ. Такъ, если производительность земледѣльца будетъ двадцать пудовъ, а портнаго 4 сюртука, то землевладѣлецъ оставитъ себѣ на пропитаніе

пять пудовъ хлѣба, а за пять пудовъ получитъ себѣ сюртукъ. Хозяинъ портнаго возьметъ для себя одинъ сюртукъ, а на другой вымѣняетъ у землевладѣльца пять пудовъ хлѣба. Исходя изъ такой элементарной идеи, которая впослѣдствіи получила крикливое названіе идеи товарнаго фетишизма, Рикардо сдѣлалъ выводъ, что при неизмѣнности рабочаго вознагражденія никакое накопленіе прибыли не можетъ понизить прибыли, а, слѣдовательно и цѣнностей, а всѣ ученики Смита почти въ одинъ голосъ твердили, что никакихъ остатковъ товара и получиться не можетъ, ибо то, „что производится, также быстро и потребляется“.

Выводъ былъ совершенно ошибоченъ. При такомъ равенствѣ и неограниченности производительныхъ силъ, т. е. труда, какъ это не трудно доказать, у людей постепенно должно было бы исчезнуть представленіе о цѣнности вещей, какъ о чемъ то для нихъ необходимомъ. Рикардо могъ сдѣлать по существу изъ этого предположенія только одинъ выводъ, а именно: что, признавъ за единую и равную производительную силу-трудъ, цѣнность воспроизводимыхъ по произволу продуктовъ не можетъ быть *выше трудовой*, ибо, если она поднимается выше при наличности производительныхъ силъ-труда, конкуренція доведетъ ее до прежней трудовой нормы. Но опредѣлить цѣнность въ высшемъ, возможномъ передѣлѣ при такихъ ограничительныхъ условіяхъ это еще не значитъ создать ученіе о цѣнности и изъ сущности капиталистическаго хозяйства вывести ея законъ. Даже при взятомъ предположеніи, прибыль, т. е. избытокъ надъ необходимымъ содержаніемъ работниковъ, кому бы онъ ни доставался,— работнику ли для удовлетворенія его потребностей въ болѣе широкихъ предѣлахъ или капиталисту, служила бы мѣрою не только производительности труда, но и мѣрою возможнаго количества продукта. Въ зависимости отъ размѣровъ накопленія прибыли, при необходимости нести товаръ для обмѣна на рынокъ, возможно было бы постепенное пониженіе цѣнности продукта ниже той, которую мы назвали трудовой и въ которой одинъ коэффиціентъ a—необходимое содержаніе рабочихъ и b при-

быль капиталиста, а именно до новой, въ которой *a* остается неизмѣннымъ, а *b* обращается въ b—1 и т. д. Такое пониженіе мѣновой цѣнности было бы неизбѣжно по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что положеніе, будто въ капиталистическомъ обществѣ все, что производится также быстро и потребляется, совершенно не вѣрно и никогда доказано не было, во-вторыхъ, потому, что съ ростомъ производительности, результаты которой достаются капиталистамъ, послѣдніе могли бы удовлетворяться меньшимъ размѣромъ прибыли, въ третьихъ, потому, что предположеніе о равенствѣ производительныхъ условій противоестественно также какъ и тотъ выводъ Прудона, что эти разницы не должны и не могутъ поступать на рынокъ. Прудонъ, какъ видѣлъ читатель въ выше процитированномъ примѣчаніи требуетъ, *чтобы болѣе производительный работникъ работалъ меньше, ибо продуктъ каждаго, по его мнѣнію, ограничивается правомъ всѣхъ.* Капиталистическое хозяйство не допускало такихъ ограниченій и по крайней мѣрѣ не знало, пока артели и рабочіе союзы не стали ограничивать массу продукта, бросаемаго на рынокъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ время труда и даже регулировать качество продукта и труда. На нашихъ глазахъ создается, такимъ образомъ, какой то соціальный меркантилизмъ, преслѣдующій противорѣчивыя задачи: расширеніе потребленія и ограниченіе дѣйствія производительныхъ силъ. Согласовать эти противорѣчивыя тенденціи придется въ ближайшемъ же будущемъ грядущимъ поколѣніямъ.

Отсюда и вытекла боязнь многихъ буржуазныхъ послѣдователей Рикардо довести подъ вліяніемъ производительности труда цѣнность до уровня необходимаго содержанія рабочихъ, когда цѣнность опредѣлялась бы заработной платой, а не количествомъ затраченнаго труда. Для нихъ это было послѣднимъ моментомъ существованія капиталистическаго производ-

---

[1] Американское бюро труда недавно выпустило въ свѣтъ свой II-й отчетъ, составленный проф. Коммономъ подъ заглавіемъ: „Regulation and Restriction of output“. Въ этомъ отчетѣ приведена масса любопытныхъ данныхъ о способахъ ограниченій и регулированій производительной дѣятельности, какъ со стороны предпринимателей, такъ и рабочихъ.

ства: затѣмъ наступало его неизбѣжное крушеніе. Такимъ образомъ, самое разсмотрѣніе обмѣна въ его элементарнѣйшей формѣ ставило вопросъ о значеніи накопленія товара (т. е. по просту *закона количествъ или рѣдкости*), обмѣна и распредѣленія, т. е. *способа употребленія накопившихся избытковъ* въ дѣлѣ образованія цѣнностей.

Пресловутая теорія накопленія Маркса была простымъ констатированіемъ элементарнаго значенія закона количествъ въ нашемъ хозяйствѣ и явнымъ доказательствомъ того, что изъ естественнаго представленія объ обмѣнѣ мы не можемъ получить еще какого либо представленія о самореальнѣйшихъ условіяхъ жизни нашего капиталистическаго организма, хотя бы уже потому, что при такомъ предположеніи трудъ считается *единственной и равной* производительной силой, что продуктъ считается *единственнымъ* товаромъ, циркулирующимъ на рынкѣ и столь же быстро потребляющимся, какъ и производящимся. Реальная же жизнь говоритъ намъ, что человѣчество всегда хозяйничаетъ тремя и весьма неравными при производительности силами, что на рынкѣ циркулируютъ всѣ виды собственности и что ежегодно громадная масса продукта и производительныхъ силъ обращается въ капиталъ пользованія, потребляющійся чрезвычайно медленно и въ значительной своей долѣ выходящій изъ процесса циркуляціи.

Процессы капиталообразованія и накопленія также чрезвычайно сложны: они совершаются за счетъ прибавочнаго продукта самыми разнообразными классами, при чемъ крупный капиталистическій классъ въ собственномъ смыслѣ этого слова накопляетъ вовсе не для накопленія, а и потребляетъ при этомъ во все болѣе и болѣе расширяющихся размѣрахъ. Съ другой стороны мы не живемъ теперь въ условіяхъ такого порядка вещей, гдѣ все добытое въ теченіе одного производительнаго періода потребляется въ теченіе другого. Производительный періодъ долженъ дать для всѣхъ и каждаго— (и если теперь этого нѣтъ для громадныхъ массъ населенія— въ этомъ крупнѣйшій недостатокъ современнаго экономическаго порядка) возможность спокойно жить и наслаждаться, когда силы отказываются работать, когда приходится жить

на продуктъ своего предшествовавшаго труда воплотившагося въ расширеніи общественной производительной силы. Люди рабочаго періода настолько должны быть вооружены капиталомъ, чтобы они могли содержать и подрастающее поколѣніе и отработавшій человѣческій персоналъ.

Сохраненіе этой трудовой идеи представляется, однако, и до сихъ поръ многимъ, какъ нѣчто необходимое для укрѣпленія „соціальной идеи“ въ экономіи.

Не стану спорить, что безъ сохраненія соціальной идеи или внѣ анализа условій обмѣна и распредѣленія не можетъ существовать экономическая наука, но сохранить эту идею, какъ драгоцѣннѣйшее наслѣдіе экономической науки 19-го вѣка, можно только, идя по новому и болѣе плодотворному пути.

Очень любопытно, что въ настоящее время цѣлый рядъ писателей приходятъ къ Роббертузіанскому убѣжденію, что трудовая цѣнность не является реальнымъ фактомъ нашей промышленной жизни. Подобно Прудону ее относятъ къ будущему. Во второй главѣ своего труда я разбираю двѣ теоріи, которыя относятъ господство трудовой цѣнности къ будущему, опираясь при этомъ якобы на Родбертуса.

Одна изъ нихъ можетъ быть названа теоріей абсолютной трудовой стоимости и принадлежитъ г. Туганъ-Барановскому, другая субъективной трудовой цѣнностью и авторомъ ея является г. Франкъ.

Первая предполагаетъ, какъ доказанный фактъ, что для человѣка *абсолютной стоимостью* является трудъ. Онъ считаетъ глубокой мысль Прудона о „законѣ пропорціональности общественнаго производства“ и признаетъ трудъ моментомъ, устанавливающимъ *въ идеалѣ эту пропорціональность*.

Прежній Марксистъ обращается въ Прудониста, но, къ сожалѣнію, съ еще большимъ затемнѣніемъ сложныхъ экономическихъ вопросовъ.

Но что же такое стоимость и можетъ ли дать ученіе о трудовой стоимости, о трудовой идеѣ основаніе для сохраненія соціальной идеи въ экономіи? Ученіе о стоимости досталось намъ отъ такъ называемой буржуазной экономической

науки. Понятіе стоимости, и при томъ трудовой, имѣло съ самаго начала разныя значенія. Объективное выраженіе стоимости находили въ суммѣ затратъ мускульной и нервной энергіи, субъективное выраженіе въ суммѣ непріятныхъ и вызывающихъ усталость ощущеній отъ труда. Наиболѣе важное значеніе понятіе стоимости имѣло въ объективномъ смыслѣ, какъ объективный трудовой масштабъ для измѣренія количества затраченнаго труда.

Большинство представителей экономической науки послѣ Рикардіанской экономіи полагало, что исчисленіе количества индивидуально или общественно затраченнаго на продуктъ труда вполнѣ возможно. Исчисленіе же стоимости другихъ факторовъ производства эта наука почти игнорировала. Стоимость капитала она сводила къ массѣ затраченнаго на него труда, земля же представлялась ей даровымъ благомъ, не имѣющимъ стоимости. Весь общественный доходъ, также какъ и доходъ каждаго индивидуальнаго предпріятія, она подраздѣляла на три части, опредѣляя доходъ *землевладѣльца* на единицу употребленной въ обработку земли, *прибыль*, т. е. доходъ капиталиста, опредѣляя въ процентахъ на денежную стоимость капитала, *заработную плату* по разсчету на голову населенія.

Теоретическое игнорированіе стоимости земли и капитала оправдывалось, во-первыхъ, утвержденіемъ, что, по существу дѣла только трудъ является такой ограниченной въ количествѣ производительной силой, съ которой человѣку, какъ хозяйствующему субъекту, всегда приходится считаться: затрата труда всегда лишаетъ его свободы и наслажденій въ періодъ работы; во-вторыхъ, положеніемъ о повсемѣстно равной производительности капитала, преобразовавшемся впослѣдствіи въ ученіе о равенствѣ прибыли; и въ-третьихъ, наличностью ученія о неравенствѣ производительныхъ силъ земли, ученія, которое давало объясненіе, почему получается рента, какъ нѣкоторый избытокъ въ продуктѣ или въ вырученной избыточной цѣнности нѣкоторыхъ болѣе производительныхъ единицъ земли безъ нарушенія общихъ законовъ трудовой цѣнности.

Дальнѣйшее развитіе экономической науки, однако, показало совершенную непригодность этихъ положеній. Теперь всѣмъ извѣстно, что всѣ попытки опредѣленія количества затраченнаго на продуктъ труда оказались совершенно невозможными въ системѣ производства и распредѣленія, гдѣ каждый продуктъ является результатомъ неизмѣримой массы разнокачественныхъ дѣятельностей, необходимыхъ для поддержанія и дѣйствія этой системы производства, и гдѣ появленію продукта даннаго качества, созданнаго извѣстными категоріями труда и въ извѣстныхъ сложныхъ общественныхъ условіяхъ, является результатомъ данныхъ условій распредѣленія и потребленія, т. е. обусловливается представленіями имущей и покупающей части общества.

Представленіе объ ограниченности одной производительной силы также не могло удержаться. Какъ капиталъ, такъ и земля оказались такими же ограниченными количествами и идея возможности безграничнаго умноженія капитала въ нашихъ условіяхъ распредѣленія стала казаться простой наивностью [1]). Всѣ три производительныя силы оказались фактически совершенно разнообразными по производительности т. е. по количеству того продукта, которое получается въ результатѣ ихъ дѣятельности подъ руководящимъ направленіемъ человѣческаго труда.

Принявъ эти положенія во вниманіе, не трудно показать, что идея абсолютной трудовой стоимости представляетъ собою нелѣпость, что, исходя изъ нея, мы не можемъ придти къ убѣжденію, будто въ соціальномъ обществѣ представленія о стоимости и цѣнности совпадутъ и будто трудъ въ идеалѣ создаетъ пропорціональность общественнаго производства.

Само собою разумѣется, что земля не создана трудомъ и въ этомъ смыслѣ не имѣетъ трудовой стоимости. Но въ соб-

---

[1]) Исторія задолженности и кредита въ разныя историческія эпохи, казалось бы, должна была предохранить теоретическую экономію отъ ученія о возможности безграничнаго накопленія капитала, но догматизмъ всегда упоренъ и неспособенъ къ созерцанію реальныхъ явленій жизни. А между тѣмъ, какую громадную роль въ исторіи борьбы классовъ, государствъ и народовъ играло это простое обстоятельство: дороговизна и ограниченность наличнаго капитала!

ственномъ смыслѣ этого слова и капиталъ является не только результатомъ труда, но и содѣйствующихъ ему силъ природы. Даже самый трудъ, какъ капиталъ, какъ дѣйствующая машина, имѣетъ стоимость, которая опредѣляется потребленными продуктами земли, капитала и труда. Разсматривать трудъ, какъ единую производительную силу, наивно, если мы знаемъ, что созданіе опредѣленной массы продукта требуетъ опредѣленнаго количестиа затратъ въ видѣ дѣйствія трехъ наличныхъ производительныхъ силъ. Всякій продуктъ представляетъ собою сложный результатъ дѣйствія всѣхъ затраченныхъ на него производительныхъ силъ и высчитать то, что принадлежитъ природѣ и капиталу, невозможно. Уже на этомъ основаніи представленіе объ абсолютной трудовой стоимости было бы непригодно: оно вращалось бы всегда въ логическомъ кругѣ. Но для того, чтобы перейти отъ *стоимости* къ *цѣнности*, надобно сдѣлать еще бо́льшой логическій скачекъ. Въ нашемъ обществѣ, съ частной собственностью на орудія производства, существуетъ особое представленіе о стоимости, какъ объ оплатѣ цѣнъ затраченныхъ единицъ производительныхъ силъ. По мнѣнію г. Тугана-Барановскаго въ будущемъ обществѣ, гдѣ изчезнетъ представленіе о частной собственности, представленія объ абсолютной стоимости и цѣнности совпадутъ. Ничего подобнаго быть не можетъ. Въ дѣйствительности мы можемъ себѣ представить три вѣроятныхъ положенія. Во-первыхъ, въ будущемъ обществѣ свободное дѣйствіе производительныхъ силъ создастъ безгранично обильное количество продукта. Тогда наше современное представленіе о цѣнности исчезнетъ. Каждый будетъ брать то, что ему необходимо для удовлетворенія потребностей, вовсе не справляясь съ его стоимостью. Но никто въ такомъ обществѣ не будетъ такъ наивенъ, чтобы вѣрить, будто трудъ является абсолютной стоимостью. Всѣ будутъ знать, что для полученія опредѣленной массы продукта понадобилось затратить также опредѣленное количество земли и капитала.

Во вторыхъ, такого представленія объ абсолютной трудовой стоимости никогда не создастся, ибо всѣ будутъ знать, что, прилагаясь къ разнымъ единицамъ земли и капитала,

трудъ даетъ совершенно разное количество продукта, т. е., другими словами, одинъ и тотъ же продуктъ можетъ стоить совершенно разное количество труда.

Въ третьихъ, количество не только труда, но и другихъ производительныхъ силъ: земли и капитала можетъ оказаться ограниченнымъ по чисто природнымъ или соціальнымъ обстоятельствамъ. Продукты, получаемые отъ дѣйствія этихъ производительныхъ силъ пріобрѣтутъ особое значеніе въ глазахъ членовъ этого общества и, само собою, будутъ оцѣниваться не по абсолютной трудовой стоимости, а какъ нибудь иначе.

Такимъ образомъ, и для будущаго общества абсолютная трудовая стоимость не дастъ никакого основанія для отождествленія стоимости и цѣнности. Столь же невѣроятно, что трудъ въ состояніи будетъ самъ собою создавать пропорціональность общественнаго производства. Если бы въ будущемъ обществѣ каждому было предоставлено готовить, что угодно и какъ угодно, и мѣнять свой полный продуктъ на что угодно, то всѣ затрудненія капиталистическаго обмѣна сказались бы съ такою же силою, какъ и теперь. Анархія не есть порядокъ. Она сама по себѣ не создаетъ организаціи.

Организація является всегда или долговременнымъ продуктомъ историческаго развитія, или результатомъ новой и напряженной общественной работы. Безъ какой либо общественной организаціи никакая свобода, никакое планомѣрное дѣйствіе и раздѣленіе труда невозможны. Провозгласите любыя права человѣка, включая сюда и право на полный продуктъ личнаго труда, но безъ извѣстныхъ учрежденій и общественной организаціи, они останутся мертвымъ и пустымъ словомъ. Всякому, кто хоть сколько нибудь знакомъ съ исторіей человѣчества, ясно, что эта организація не можетъ быть создана внезапно чрезъ провозглашеніе новыхъ началъ жизни. Въ предѣлахъ народа должны создаться кадры, которые могутъ воспользоваться съ выгодой новыми условіями жизни, какъ лично для себя, такъ и въ цѣляхъ дальнѣйшаго культурнаго развитія.

Г. Туганъ-Барановскій мечтаетъ, что трудъ въ идеалѣ создастъ пропорціональность общественнаго производства, но

не замѣчаетъ, что его же учитель Прудонъ видитъ, что одна наличность различій въ производительности труда ведетъ къ необходимости ограниченія правъ на трудъ однихъ предъ другими? Къ чему сведется это право на полный продуктъ труда, если оно должно имѣть своимъ послѣдствіемъ право на кредитъ? Кто же создастъ могущественнѣйшія сочетанія капитала, которыя мы имѣемъ теперь? Анархія ничего не сдѣлаетъ тамъ, гдѣ долженъ быть порядокъ и общественная организація. Одно видоизмѣненіе условій обмѣна ничего создать не можетъ въ соціальномъ государствѣ, а нынѣ анализъ этого обмѣна показываетъ, что провозглашеніе права на полный продуктъ труда было бы вопіющей соціальной несправедливостью, ибо представленіе объ обмѣнѣ, какъ о размѣнѣ трудовыхъ эквивалентовъ, ложно въ самомъ корнѣ.

Путемъ такого представленія о трудѣ, какъ объ абсолютной трудовой стоимости, съ перенесеніемъ ея господства въ область будущаго соціальнаго государства, нельзя сохранить соціальную идею въ экономіи. Во-первыхъ потому, что соціальная идея въ экономіи дается намъ теперешними жизненными условіями производства и распредѣленія, и это мы ниже постараемся доказать, во-вторыхъ потому, что такого представленія объ абсолютной трудовой стоимости ни въ соціальномъ государствѣ, ни въ нашихъ капиталистическихъ условіяхъ существовать объективно не можетъ, въ третьихъ, потому, что если мы сведемъ представленіе объ абсолютной трудовой стоимости къ простому субъективному представленію г. Франка, что все въ общественномъ организмѣ зависитъ отъ труда, какъ двигающей силы или вмѣстѣ съ другими будемъ говорить, будто цѣнность національнаго продукта во всемъ его цѣломъ опредѣляется количествомъ затраченнаго общественно-необходимаго труда, то тѣмъ самымъ откажемся отъ созданія какой либо теоріи цѣнности и сведемъ соціальную идею къ простой банальности. Человѣчество и такъ знаетъ, что все въ мірѣ принадлежитъ ему и, если къ такому утвержденію сведется соціальная идея, то она очень мало дастъ для анализа существующихъ и желанныхъ условій роспредѣленія.

Сохраненіе соціальной идеи въ экономіи можетъ быть объективно обосновано только чрезъ разумное истолкованіе тѣхъ основаній, которыя побудили экономистовъ внести въ экономическую науку идею стоимости, а также и чрезъ выясненіе существующихъ условій собственности и владѣнія. Постараемся пока вкратцѣ отвѣтить на первый изъ этихъ вопросовъ, чтобы въ слѣдующемъ параграфѣ обосновать наши положенія болѣе тщательнымъ анализомъ существующаго капиталистическаго механизма производства, обмѣна и распредѣленія.

Многіе экономисты, въ томъ числѣ и г. Туганъ-Барановскій, ссылаются на авторитетъ Родбертуса, чтобы доказать возможность совпаденія трудовой цѣнности съ трудовой стоимостью въ будущемъ соціальномъ государствѣ. Родбертусъ создалъ идею относительно необходимости конституированія цѣнности согласно труду. Идеалистъ органической идеи государства былъ, однако, далекъ отъ анархизма Прудона. Онъ полагалъ, что это конституированіе можетъ совершиться только путемъ законовъ. Всякій, сколько нибудь внимательно читавшій Родбертуса, знаетъ, что о совпаденіи стоимости и цѣнности Родбертусъ никогда и не говорилъ. Его „трудовая цѣнность“ представляется чѣмъ то совершенно отличнымъ отъ того, что мы имѣемъ обыкновенно въ виду, произнося эти слова. Самое понятіе трудовой стоимости внесено имъ въ науку вовсе не для построенія теоріи цѣнности, а лишь для выясненія важнѣйшей, по его мнѣнію, идеи народнохозяйственной производительности труда [1]). По его мнѣнію,

---

[1]) Родбертусъ въ своихъ замѣчательныхъ пяти теоремахъ „Zur Erkenntniss etc.“ пишетъ такъ: „земледѣліе является единственной основою того, что производительность работъ достаточно велика, чтобы, кромѣ содержанія рабочихъ, постоянно создавались необходимыя средства къ существованію и для другихъ. Но земледѣліе создаетъ только матеріалъ для необходимаго содержанія людей. Однако работы, которыя еще нужны для окончательнаго превращенія матеріала въ продукты, могущія стать доходомъ и составляющія необходимое содержаніе, относительно немногочисленны. Такъ какъ это вполнѣ вѣрно и такъ какъ производительность труда въ земледѣліи настолько велика, что въ его продуктѣ лежитъ основа значительнаго избытка надъ потребностями работника, то, благодаря земледѣлію создается не только воз-

разный трудъ, разныя земли и капиталы производятъ разное количество продукта. Найдите, безконечное количество разъ повторялъ онъ, среднюю производительность общественнаго труда. Дайте менѣе производительному, но необходимому труду добавочное вознагражденіе изъ общаго запаса благъ, чтобы вознагражденіе его было среднимъ. Для этого болѣе производительный трудъ долженъ поступиться своей долей, получить меньше. Вотъ его идея конституированія цѣнности согласно труду. Онъ, слѣдовательно, вовсе не говорилъ о возможности совпаденія стоимости съ цѣнностью въ будущемъ обществѣ, а рисовалъ просто особую систему общегосударственнаго распредѣленія продукта.

Оставаясь на почвѣ существующихъ капиталистическихъ условій, сознавая, что идея стоимости необходима только для опредѣленія высшихъ и низшихъ условій производительности

можность такого положенія вещей, при которомъ получаются ренты, но и возможность увеличенія рентъ и при томъ въ томъ направленіи, въ которомъ этотъ избытокъ продукта служитъ основой раздѣленія труда . . . . Но не слѣдуетъ впадать въ ошибку. Земледѣліе не основа земельной ренты, а основа рентъ вообще, какъ ренты капитала, такъ и земельной ренты. Оно даетъ столько же для первой, какъ и для послѣдней“ . . . . и затѣмъ въ двухъ примѣчаніяхъ: „земледѣліе въ томъ смыслѣ одно изъ величайшихъ изобрѣтеній, что безъ него вообще не могли бы существовать ренты; безъ него всякій долженъ былъ бы отказаться отъ производительныхъ работъ и тѣмъ былъ бы положенъ предѣлъ для всякой цивилизаціи. Однако разъ осуществилось это необходимое, всякому дальнѣйшему прогрессу предшествовавшее условіе, то вновь изобрѣтенное приложеніе паровой силы къ фабрикаціи и къ перевозкѣ можетъ увеличить сумму рентъ отъ капитала и земли въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ они стоятъ теперь, можетъ также, по своимъ естественнымъ послѣдствіямъ, увеличить въ той же мѣрѣ число участниковъ въ духовной и художественной жизни. Произойдетъ ли это или нѣтъ, будетъ зависѣть отъ народнохозяйственной организаціи“ . . . . и въ другомъ примѣчаніи: „если разсматривать природу, духъ и даже капиталъ, какъ „источники благъ“ и ставить ихъ на ряду съ трудомъ, то это отнюдь не измѣняетъ того положенія, что трудъ является единственной производительной силой. Это положеніе будетъ тогда гласить только такъ: „земельная рента и прибыль капитала составляютъ результатъ всѣхъ соединенныхъ работъ, земельныхъ фондовъ и капиталовъ, которые нужны для полнаго изготовленія благъ, которыя составляютъ реальное выраженіе этихъ доходовъ“. См. Zur Erkenntniss unserer staatswirthschaftlichen Zustande, Erstes Heft: funf Theoreme, 1842 г., стр. 71—72 и 67—68.

труда, онъ опредѣлилъ самую идею производительности труда иначе, какъ это дѣлалось много разъ и до него: трудъ, говорилъ онъ, производитъ въ условіяхъ сложно организованнаго хозяйства больше, чѣмъ сколько необходимо на его содержаніе, на разныхъ земляхъ и при разныхъ капиталахъ этотъ избытокъ больше. Другими словами, онъ пришелъ съ естественноисторической точки зрѣнія, какъ онъ выражается, къ ученію *о дифференціальной производительности труда*, а какъ экономистъ-соціалистъ выставилъ, какъ идеалъ распредѣленія: каждому соотвѣтственная доля этой народнохозяйственной производительности. Средній общественно необходимый трудъ извѣстной средней продолжительности, какъ масштабъ справедливаго средняго вознагражденія. Его политика распредѣленія, поэтому, и была политикой борьбы за нормальную плату. . . .

Констатированіе уже этой одной идеи дифференціальной производительности труда было громадной заслугой Родбертуса. Но историческое значеніе его системы еще больше: онъ первый изъ экономистовъ понялъ, что законы распредѣленія въ современномъ капиталистическомъ механизмѣ мы поймемъ, стоя не на индивидуалистической точкѣ зрѣнія, а исходя изъ понятій объ общественномъ имуществѣ, общественномъ производствѣ, капиталѣ и доходѣ. . Только такое представленіе даетъ намъ возможность съ очевидностью доказать, что всякій *продуктъ* есть извѣстнаго рода соціальный результатъ, что *собственность* есть одинъ изъ способовъ организаціи хозяйства, исторически сложившійся на началахъ соціальнаго господства и борьбы классовъ. Этотъ выводъ дастъ намъ основаніе сдѣлать и важныя заключенія о процессѣ трансформаціи современнаго хозяйства. Какъ увидимъ, онъ дастъ намъ то, что мы могли бы назвать *исторической соціальной платформой нашего времени*. Но прежде всего перейдемъ къ ближайшему анализу условій жизни современнаго хозяйства.

IV.

Въ своихъ ученіяхъ о трудѣ и трудовой цѣнности три крупныхъ генія политической экономіи Рикардо, Мальтусъ и Марксъ преслѣдуютъ совершенно разныя соціально-политическія задачи. Съ теоретической точки зрѣнія, какъ я уже сказалъ, наука должна произнести надъ ихъ догматами весьма строгій приговоръ. Съ исторической точки зрѣнія таже наука должна признать, что ихъ ученія сыграли громадную роль въ исторіи человѣческой борьбы. Они поняли настроеніе и потребности своего времени. Наше время должно разрѣшить иныя соціально-политическія задачи и наше пониманіе капиталистическаго механизма видоизмѣнилось. Мы яснѣе видимъ, какъ ихъ теоріи слагались подъ вліяніемъ тѣхъ интересовъ, которые они защищали.

Рикардо былъ пѣвцемъ буржуазіи начала прошлаго вѣка. Онъ жилъ въ эпоху роста промышленнаго класса. Подъ угломъ зрѣнія этого класса онъ и создалъ свое ученіе объ общественно-необходимомъ трудѣ.

Общественно-необходимымъ трудомъ для него являлся тотъ, который оплачиваетъ заработную плату и прибыль. Ученіе о трудовой цѣнности было необходимо ему для того, чтобы доказать, что ростъ промышленности и населенія сводитъ *прибыль до послѣдняго минимума*, который опредѣляется на землѣ наихудшаго качества. Заработная плата остается неизмѣнно-необходимой долей вознагражденія труда, стоимость воспроизводства этого необходимаго содержанія рабочихъ ростетъ за счетъ прибыли капиталиста. Землевладѣ-

лецъ же, какъ пьявка, захватываетъ въ свою утробу всѣ плоды промышленной цивилизаціи, грабитъ одновременно и капиталиста, и работника, т. е. все общество. Этимъ двумъ классамъ онъ даетъ только потребный минимумъ, все остальное беретъ себѣ.

Консерваторъ и аграрій Мальтусъ тщетно пытается защитить интересы землевладѣльческаго класса, отмѣчая, что имъ создана и создается вся культурная жизнь Англіи. Общество требуетъ теоретическихъ аргументовъ изъ области экономіи. Буржуазія уже стала сама культурнымъ элементомъ: она видитъ въ своей средѣ лучшихъ представителей науки. Мальтусъ находитъ, наконецъ, почву для примиренія между этими двумя борящимися классами. Онъ выдвигаетъ свое ученіе о *неизмѣнной цѣнности труда.* Онъ старается доказать, что прогрессъ цивилизаціи держится на пропорціональномъ и относительно справедливомъ раздѣлѣ избыточнаго продукта между двумя классами: между землевладѣльцами и капиталистами, провиденціальное назначеніе которыхъ быть творцами цивилизаціи и не давать возможности населенію размножаться до послѣдняго предѣла.

Радикалъ-соціалистъ Марксъ своимъ ученіемъ объ общественно-необходимомъ трудѣ старается доказать, прежде всего, зависимость жизни общества отъ матеріальнаго труда и неизбѣжность крушенія капиталистическаго производства, которое, лишая трудъ произведенныхъ имъ элементовъ богатства, отрицаетъ самое себя, ибо приводитъ къ неизбѣжному паденію ренты и прибыли, къ обнищанію всего рабочаго сословія. Эксплуатація рабочаго, при ростѣ производительныхъ силъ, ведетъ къ кризису, который видоизмѣняетъ всю соціальную атмосферу путемъ новой организаціи труда и собственности. Паденіе нормы прибыли есть ничто иное какъ выраженіе прогрессивнаго развитія производительной силы труда. Наростаніе постояннаго капитала во всѣхъ предпріятіяхъ ведетъ къ тому, что, даже при одинаковой нормѣ прибавочной цѣнности, прибыль падаетъ. Такъ, если мы обозначимъ постоянный капиталъ чрезъ букву c, перемѣнный v и прибыль p, то получимъ слѣдующую картину паденія прибыли:

$$c=\ 50;\ v=100;\ p=\frac{100}{150}=66^{1}/_{3}\%$$

$$c=400;\ v=100;\ p=\frac{100}{500}=20\%$$

Другими словами, общество, гдѣ господствуетъ трудовая цѣнность, по мѣрѣ своего промышленнаго развитія, съ ростомъ капитализаціи, неизбѣжно идетъ къ порядку вещей, при которомъ получается все меньшая и меньшая возможность пріобрѣтенія прибыли. Это моментъ крушенія капиталистическаго строя.

Всѣ три отмѣченныхъ писателя стараются найти *прочную опору для мѣновой цѣнности*. Въ мѣновой цѣнности они видятъ ключъ къ анализу всего механизма капиталистическаго производства и всѣ три равно терпятъ неудачу въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ, находя многочисленныхъ сторонниковъ въ рядахъ тѣхъ общественныхъ пластовъ, которыхъ интересы они защищаютъ.

Ранѣе всего рухнуло ученіе *о неизмѣнной цѣнности труда*. Уже Рикардо одержалъ надъ нимъ побѣду, но не полную. Въ трудахъ его сторонниковъ изъ буржуазнаго и соціалистическаго лагеря оно держалось въ нѣсколько подтасованномъ видѣ. Заработная плата разсматривалась, какъ нѣчто равное въ предѣлахъ даннаго народнаго хозяйства и неизмѣнное только въ томъ смыслѣ, что плата эта всегда удовлетворяетъ только опредѣленному минимуму потребностей рабочаго класса, который воспроизводится, какъ рабочая сила, въ предѣлахъ, необходимыхъ для класса промышленной и земельной буржуазіи. Крушеніе же всей этой теоріи произошло въ трехъ направленіяхъ: во первыхъ, было признано невозможнымъ отрицать повышеніе стоимости необходимаго содержанія рабочихъ при наличности ухудшающихся условій добыванія потребнаго земледѣльческаго продукта. Вліяніе этого обстоятельства, т. е. большей трудности добыванія земледѣльческаго продукта, едва ли могло, однако, имѣть важное значеніе въ современной Европѣ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ странъ, которыя признали свободу ввоза и вывоза хлѣбовъ и умѣли въ должной мѣрѣ капитализировать свое хозяйство. Борьба за хлѣбныя пошлины въ странахъ съ высокой земледѣльче-

ской культурой показываетъ, что современный протекціонизмъ промышленнаго характера и свобода вывоза и ввоза хлѣбовъ были для капиталистическаго класса прекраснымъ орудіемъ, при посредствѣ котораго они обезпечивали себѣ невозможность роста стоимости необходимаго содержанія рабочихъ въ земледѣльческихъ продуктахъ.

Во вторыхъ, опредѣленіе стоимости труда, какъ товара, одними издержками его воспроизводства оказалось также сомнительнымъ и, къ тому же было подмѣчено, что въ стоимость содержанія рабочихъ входятъ не только продукты земледѣлія, но и фабрикаціи. Цѣнность труда приходилось сводить къ цѣнности продуктовъ, разъ была доказана невозможность считать живое человѣческое существо и его трудъ товаромъ неизмѣнной цѣнности. Появленіе на рынокъ этого своеобразнаго товара пришлось объяснять не одними механическими условіями размноженія; въ третьихъ, всѣ попытки опредѣлить количество труда, потребное для производства даннаго товара, не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Создалось какое то „мистическое“ представленіе о дѣйствующемъ какимъ то образомъ трудовомъ масштабѣ измѣренія цѣнностей безъ возможности выяснить его реальное значеніе. Къ тому же и попытки свести затраты мускульной и нервной энергіи въ разныхъ родахъ труда къ единству путемъ ихъ приведенія къ простому труду также не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Теоретическая возможность сведенія этихъ видовъ труда одного къ другому оказывалась практически безплодной, а заработная плата оказывалась явленіемъ *дифференціальнымъ*, *а не равнымъ*, при чемъ это различіе платъ не удавалось объяснить одними технико-экономическими причинами безъ привлеченія къ анализу чисто историко-соціальныхъ условій нашего хозяйственнаго быта.

Такъ выросло представленіе „о соціальной категоріи“ нашего хозяйственнаго быта, которая при ближайшемъ же анализѣ должна была привести къ необходимости говорить только о *денежной цѣнѣ труда* и привела къ болѣе широкому представленію объ общественно-необходимомъ трудѣ.

Ни для кого теперь не тайна, что представленіе объ обще-

ственно-необходимомъ трудѣ, какъ о непосредственномъ творцѣ матеріальныхъ цѣнностей, въ своихъ практическихъ приложеніяхъ оказалось исполненнымъ схоластики. Все прочнѣе и прочнѣе стало укореняться убѣжденіе, что подъ общественно-необходимымъ трудомъ слѣдуетъ понимать совокупность всѣхъ общественныхъ функцій въ данномъ общественномъ организмѣ, что въ сущности анализъ производства самъ по себѣ можетъ дать намъ только самую общую формулу: „трудъ въ условіяхъ раздѣленія занятій и промысловъ производитъ больше, чѣмъ сколько необходимо на его содержаніе“, но что эта формула еще не ведетъ насъ къ пониманію процесса образованія цѣнностей . . . . . Цѣнность классиковъ при ближайшемъ же анализѣ оказалась мифомъ.

Подводя итогъ ученіямъ классической школы Каннанъ пишетъ слѣдующія жестокія слова: „изслѣдованіе причинъ, которыя оказываютъ вліяніе на распредѣленіе всего общественнаго дохода между тремя долями: заработной платой, прибылью и рентой было формулировано столь неясно, что вмѣсто изложенія обстоятельствъ, выражающихся въ измѣненіи пропорцій, въ которыхъ данная масса дохода раздѣляется на указанныя три доли, получалось изложеніе причинъ, которыя, какъ предполагалось опредѣляютъ *абсолютный* размѣръ заработной платы на голову населенія, норму прибыли въ процентахъ на капиталъ и абсолютный размѣръ ренты на десятину. Трудно представить себѣ что либо болѣе неудовлетворительное, чѣмъ подобное изложеніе. Законъ заработной платы, гласящій, что размѣры платы зависятъ отъ отношенія между капиталомъ и населеніемъ, какъ бы ни казался очевиднымъ 100 или 50 лѣтъ тому назадъ, теперь всѣми признается абсурдомъ. Законъ прибыли, гласящій, что она зависитъ отъ стоимости труда, совершенно необоснованъ: его даже и понять нельзя. Отъ какихъ обстоятельствъ зависитъ рента по разсчету на десятину трудно сказать. Рикардо доказывалъ, что она зависитъ отъ трудности полученія послѣдней доли продукта. Когда и этотъ взглядъ былъ признанъ недоказуемымъ, ничего опредѣленнаго не было поставлено на его мѣсто. Д. С. Милль, говоря о законѣ ренты непо-

средственно послѣ установленія закона заработной платы и до опредѣленія закона прибыли, сталъ просто говорить, что рента есть добавочное вознагражденіе земледѣльческаго капитала, употребляемаго въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, а это утвержденіе вовсе не законъ, а только просто *плохое опредѣленіе*“ [1]). Вотъ что пишетъ жестокій критикъ классической школы. Но правъ ли онъ, развѣ не создалъ намъ Марксъ ясныхъ отвѣтовъ на скрытый законъ цѣнности? Вѣдь признаніе этихъ положеній означало бы полное крушеніе старой экономіи? Увы, приходится признать, что въ этихъ словахъ много, слишкомъ много правды.

Первый томъ „Капитала“ Маркса далъ намъ магическую формулу, что *цѣнность товара прямо пропорціональна количеству затраченнаго труда и обратно пропорціональна его производительной силѣ*. Неужели съ этой простой формулой намъ необходимо разстаться и, если да, то какой же новой намъ придется ее замѣнить? Вотъ вопросъ, вотъ—проблема [2]) . . .

Въ первомъ томѣ Капитала эта проблема была разрѣшена просто и необычайно смѣло. Трудъ производитъ цѣнность и прибавочную цѣнность. Такъ называемый необходимый трудъ создаетъ необходимое содержаніе рабочихъ, прибавочный трудъ создаетъ прибавочную цѣнность, т. е. доходъ капиталиста, кто бы онъ ни былъ: владѣлецъ земли или другихъ орудій производства.

Обмѣнъ и распредѣленіе, какъ процессы циркуляціи товара и раздѣла продукта на доходы, разсматривались только, какъ результаты общественной системы производства.

Эти положенія давно не удовлетворяли экономистовъ; съ появленіемъ же третьяго тома Капитала для всѣхъ стало очевиднымъ, что они совершенно неудовлетворительны и по слѣдующимъ основаніямъ:

---

[1]) См. E. Cannan. Production and Distribution in English Polit. Econ, L. 1903, стр 382.

[2]) Подробный анализъ теоріи прибавочной цѣнности читатель можетъ найти въ моей книгѣ: Обмѣнъ и экономическая политика, Юрьевъ, 1904 г. Здѣсь я только намѣчаю окончательные выводы, къ которымъ пришелъ

Во-первыхъ, въ основѣ этихъ положеній лежало совершенно нелѣпое ученіе о соотношеніи постояннаго и перемѣннаго капитала къ цѣнности, изъ котораго вытекло „мивическое“ представленіе о равенствѣ прибыли при неравенствѣ нормъ прибавочной цѣнности. Во-вторыхъ, ученіе о рентѣ, которое давало возможность утверждать, будто цѣнность нормируется предѣльной или среднею общественно—необходимою трудовою стоимостью, оказалось совершенно необоснованнымъ. Въ результатѣ заколебалось ученіе о томъ, что предѣльная или средняя прибыль опредѣляется въ земледѣліи. Въ третьихъ, ученіе объ общественно-необходимомъ трудѣ оказалось простымъ ученіемъ о законѣ количествъ продукта, т. е. ученіемъ о рѣдкости, равно приложимымъ ко всѣмъ производительнымъ силамъ.

Въ своей книгѣ я началъ анализъ со втораго наиболѣе, какъ казалось, признаннаго положенія—съ ученія о земельной рентѣ. Я старался доказать, что Мальтусъ и Родбертусъ при выводѣ закона ренты исходили изъ гораздо болѣе правильныхъ началъ, чѣмъ Рикардо. Они видѣли въ землѣ производительную силу, дающую при приложеніи одинаковаго количества труда и капитала, неравные результаты въ продуктѣ и ставили вопросъ, какъ при такихъ условіяхъ и при дѣйствіи соперничества опредѣлится цѣна продукта въ условіяхъ хозяйства съ исторически сложившимися правами частной собственности на землю? Въ результатѣ своего анализа я пришелъ къ убѣжденію, что ни предѣльная стоимость Рикардо, ни средняя стоимость въ трудѣ Маркса не даютъ намъ никакой возможности найти *неизмѣнную точку опоры для цѣнности*. Я показалъ далѣе, что прибавочный продуктъ не всегда является результатомъ одного прибавочнаго труда, а зависитъ отъ творческаго дѣйствія производительныхъ силъ земли и капитала.

Это положеніе отнюдь не колеблетъ правильности того положенія, что прибавочный трудъ есть излишекъ всего общественнаго труда надъ трудомъ, производящимъ необходимое содержаніе рабочихъ. Но только это положеніе расширяетъ самое понятіе общественно-необходимаго труда до

размѣровъ всего труда, потребнаго для дѣйствія нашего народно-хозяйственнаго механизма, и не игнорируетъ того обстоятельства, что силы земли и капитала увеличиваютъ массу нужнаго для общества продукта, въ разныхъ производительныхъ предпріятіяхъ въ разной степени, на разныя величины и что приписывать созданіе прибавочнаго продукта одному труду было столь же нелѣпо, какъ доказывать, что мускульныя движенія вдыханія, а не воздухъ, озонируютъ нашу кровь.

Я показалъ, кромѣ того, что законъ ренты даже въ условіяхъ соперничества и при признаніи одинаковой производительности разныхъ затратъ капитала вполнѣ согласуется съ дифференціаціей прибыли и заработной платы въ разныхъ земледѣльческихъ хозяйствахъ. Мнѣ кажется, мнѣ удалось доказать, что *прибавочная цѣна* въ земледѣліи можетъ зависѣть отъ возможности соціальнаго захвата части производительности въ фабрикаціи путемъ сложныхъ процессовъ обмѣна; въ качествѣ вывода я пришелъ къ убѣжденію, что *„рента есть плата за пользованіе устойчивыми преимуществами неравныхъ по качеству и результатамъ производительныхъ силъ, которыя по соціальнымъ и техническимъ основаніямъ имѣются въ ограниченномъ количествѣ“* и что тотъ дифференціальный принципъ, который такъ неправильно прилагался исключительно къ земельной рентѣ, имѣетъ гораздо болѣе общее значеніе и долженъ быть формулированъ совершенно иначе, а именно: *„дифференціальный принципъ*, во-первыхъ, принципъ общихъ различій въ естественной и соціальной производительности, во вторыхъ универсальный принципъ рѣдкости производительныхъ силъ и ихъ продуктовъ, который своеобразно дифференцируется по отношенію къ каждой изъ нихъ [1]), и, въ третьихъ, принципъ условій со-

[1]) Блестящее доказательство этой рѣдкости „земли“ для нашихъ крестьянъ даетъ исторія цѣнъ на землю при покупкѣ ея чрезъ посредство Крестьянскаго Банка. Средняя цѣна за десятину была въ періодъ съ 1891—1896 г.—47 руб.; въ 1897 г.—71, 1898—76, 1899—78, 1900—83, 1901—91, 1902—108 руб. Такое повышеніе цѣнъ на землю происходило безъ значительнаго повышенія цѣнъ на продукты и безъ замѣтнаго улучшенія въ производительности земли.

ціальнаго раздѣла избытка надъ необходимымъ содержаніемъ, гдѣ и какъ бы этотъ избытокъ ни созидался въ силу естественныхъ или общественныхъ (прибавочный трудъ и прибавочная цѣна) условій производства и обмѣна".

Тѣ же положенія затѣмъ мнѣ пришлось примѣнить и при анализѣ капитала.

Я старался показать, что въ настоящій моментъ трудно себѣ даже представить, какъ могло такъ долго держаться то нелѣпое ученіе о капиталѣ, которое мы находимъ у Рикардо и Маркса. Чтобы доказать, что постоянный капиталъ не имѣетъ никакого отношенія къ процессу образованія цѣнъ, мы должны были бы считать опредѣленно установленными слѣдующія положенія: во-первыхъ, что наиболѣе производительная форма капитала по размѣрамъ, качеству и по техническому сочетанію получаетъ господство на рынкѣ немедленно или въ болѣе или менѣе продолжительный срокъ внѣ всякой зависимости отъ данныхъ соціальныхъ условій существованія людей, т. е. въ частности принять недоказуемое положеніе, будто процессы накопленія и потребленія не дѣлаютъ изъ капитала ограниченной производительной силы по техническимъ и соціальнымъ основаніямъ; во-вторыхъ, что всякая единица капитала одинаковой матеріальной сущности или равной продажной цѣны, будучи обращена одинаковой суммой труда въ орудія производства, будетъ пропорціонально содѣйствовать во всѣхъ отрасляхъ промышленности умноженію потребнаго намъ продукта, и въ третьихъ, что, если капиталъ одной и той же производственной стоимости и видоизмѣнитъ въ неравной степени производительность труда, то это не окажетъ никакого вліянія на пропорціи обмѣна. Ни одно изъ этихъ положеній не было доказано, и попытка Маркса въ третьемъ томѣ Капитала создать ученіе объ *органическомъ составѣ* капитала была простымъ возвратомъ къ идеѣ Родбертуса о дифференціальной производительности труда. Вмѣсто доказательства ученія о равенствѣ прибыли эта идея приводитъ неизбѣжно къ ученію о дифференціаціи или неравенствѣ прибыли въ разныхъ хозяйственныхъ предпріятіяхъ, что и подтверждается всѣми данными хозяйственной жизни всѣхъ странъ и народовъ.

Какъ и почему возникла частная собственность на капиталъ, благодаря какимъ причинамъ обнаруживается его сосредоточеніе въ немногихъ рукахъ—это такой же вопросъ историческаго изслѣдованія, какъ и вопросъ о происхожденіи и развитіи частной земельной собственности. Путемъ фикціи трудовой цѣнности и прибавочной цѣнности мы не выяснимъ ни природы капитала, ни условій его накопленія, ни организаціоннаго значенія, ни соціальной силы.

Для теоретика капиталъ всегда останется производительной силой и для него будетъ ясно, что трудъ благодаря содѣйствію капитала будетъ производить безконечно бо́льшее количество продукта. Доказать, поэтому, что прибавочный продуктъ результатъ одного прибавочнаго труда рабочихъ даннаго предпріятія никогда и никому не удастся. Цѣна же этого прибавочнаго продукта, созданнаго трудомъ и капиталомъ, никогда не упадетъ до нормы необходимаго содержанія рабочихъ, пока существуютъ условія, ограничивающія количество производительныхъ силъ, нормирующія условія соціальнаго раздѣла продукта вообще и дающія возможность захватывать долю прибавочнаго продукта, создаваемаго въ другихъ отрасляхъ промышленности.

Обратившись для провѣрки выведенныхъ положеній къ пресловутой теоріи закона паденія прибыли, я пришелъ къ убѣжденію, что и онъ былъ построенъ подъ давленіемъ той экономической политики, которую преслѣдовали разные представители экономической доктрины. Этотъ анализъ привелъ меня къ окончательному убѣжденію, что норма прибыли, а слѣдовательно и законъ ея паденія, зависитъ отъ трехъ сложныхъ условій: во-первыхъ, отъ изобилія или рѣдкости капитала, какъ производительной силы, во-вторыхъ отъ производительности его въ данныхъ общественныхъ условіяхъ и, въ третьихъ, отъ соціальнаго раздѣла общественнаго продукта между борящимися общественными классами и ихъ подраздѣленіями въ данномъ народно-хозяйственномъ исторически сложившемся организмѣ.

Ростъ общественной производительной силы труда не можетъ, поэтому, служить основаніемъ для механическаго кру-

шенія капиталистическаго строя. Въ его предѣлахъ развиваются силы, постоянно поддерживающія его: создается организація, ограничивающая соперничество, обнаруживается колоссальное расширеніе и аристократизація потребленія, обусловливающее необходимость считаться съ капиталомъ, какъ съ ограниченной въ размѣрахъ производительной силой. И только организованныя требованія рабочихъ, и ихъ борьба за свою заработную плату, способны уменьшить долю вознагражденія капиталистическаго класса и сократить размѣры его потребленія.

Выводъ изъ этихъ положеній сталъ для меня тогда совершенно ясенъ.

Экономическая наука нашего времени должна совершенно отбросить ненужное и догматически ложное ученіе о цѣнности. Она должна признать, что предметомъ ея анализа должна служить только исторически сложившаяся цѣна продукта, которая не можетъ быть однимъ результатомъ производства, вѣрнѣе, что ученіе, будто трудъ создаетъ *цѣнность* также не вѣрно, какъ и положеніе, будто земля и капиталъ создаютъ цѣнности. Всѣ производительныя силы содѣйствуютъ только созданію продукта; соціальныя силы его дѣлятъ. Мѣновая цѣнность товара и всякаго другого имущества и представляетъ собою сложный общественный результатъ сбалансировавшихся экономическихъ и соціальныхъ силъ. Люди пришли въ столкновеніе при помощи обмѣна. Ихъ соединилъ и связалъ, и связываетъ все болѣе и болѣе, обмѣнъ.

Въ этомъ обмѣнѣ, въ его историческомъ и неизбѣжномъ развитіи, люди пришли въ своихъ отношеніяхъ, которыя опредѣляли каждому классу извѣстную норму дохода и извѣстное зависимое или господствующее положеніе, къ извѣстнымъ результатамъ. Въ обмѣнѣ люди нашли свои способы оцѣнки продуктовъ, поэтому мы и должны искать объясненій для мѣновой цѣнности или проще цѣны, не въ *стоимости товара*, а еще менѣе въ никому невѣдомой трудовой стоимости, а въ сложныхъ условіяхъ производства, обмѣна и распредѣленія, понимая подъ послѣднимъ не только раздѣлъ продукта на доли въ доходѣ, но и существующія условія собственности и владѣнія.

Мѣновая цѣнность создалась въ обмѣнѣ и подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ силъ распредѣленія. Наличность экономическаго избытка надъ необходимымъ содержаніемъ работника послужила основой развитія капиталистическаго хозяйства и капиталистической эксплоатаціи и цѣна, какъ историческій результатъ борьбы человѣчества въ условіяхъ развившагося раздѣленія труда, *всегда зависѣла и будетъ зависѣть, пока этотъ строй существуетъ, отъ количества производительныхъ силъ и ихъ продуктовъ, будетъ убывать съ ростомъ производительныхъ силъ и отражать на себѣ всѣ условія раздѣла соціальнаго продукта и прибавочнаго продукта, создавая своеобразную дифференціацію доходовъ, какъ рабочаго, такъ и землевладѣльцевъ и капиталистовъ.*

Этотъ историческій выводъ побудилъ меня провѣрить ту теорію преобладанія, которая создалась какъ результатъ прежнихъ экономическихъ ученій и поставить вопросъ о новыхъ началахъ экономической политики, къ разработкѣ которыхъ должна стремится и новая соціальная наука. На этомъ вопросѣ я считаю необходимымъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

V.

Адольфъ Вагнеръ признаетъ, что трактатъ Прудона о собственности представляетъ собою эпоху въ экономической литературѣ. Съ этимъ взглядомъ нельзя не согласиться. Прудонъ нанесъ первый и рѣшительный ударъ всѣмъ попыткамъ обосновать собственность, исходя изъ общихъ отвлеченныхъ принциповъ. Всѣмъ извѣстно, что наибольшее распространеніе въ литературѣ имѣли, и имѣютъ еще и до сихъ поръ, четыре теоріи собственности.

Первая изъ нихъ обосновываетъ собственность на правѣ первоначальной оккупаціи, вторая на трудѣ, который создаетъ продуктъ или приводитъ землю въ культурное состояніе, третья—на молчаливомъ или опредѣленно-выраженномъ соглашеніи всѣхъ членовъ общества, четвертая—обосновываетъ собственность на существованіи законовъ, устанавливающихъ

этотъ институтъ. Противъ каждой изъ этихъ теорій достаточно сдѣлать по одному возраженію, чтобы признать ихъ полную непригодность.

Легальная теорія обосновываетъ собственность на существованіи закона, но послѣдній во всякій моментъ можетъ быть видоизмѣненъ, разъ мы только признаемъ за организованнымъ обществомъ право трансформаціи всѣхъ законовъ въ интересахъ общественнаго блага. Выводить обоснованіе собственности изъ самаго существа и природы самоопредѣляющейся свободной личности, изъ природы человѣка и его естественныхъ правъ, также мало убѣдительно, ибо противники индивидуализма съ такимъ же основаніемъ выводятъ требованіе общей собственности изъ понятія человѣчества и необходимости обезпеченія всѣмъ и каждому равныхъ правъ на жизнь и счастіе [1]).

Теорія соглашенія основана на никогда не существовавшемъ фактѣ, на фикціи, и, кромѣ того, ничего не говоритъ о мотивахъ, приведшихъ къ такому соглашенію. При ближайшемъ же анализѣ можетъ оказаться, что, даже при признаніи наличности соглашенія, мотивы его могутъ быть совершенно фальшивыми и неправомѣрными. Оккупаціонная теорія грѣшитъ тѣмъ, что одинъ изъ способовъ пріобрѣтенія имущества принимаетъ за принципъ собственности, совершенно игнорируя вопросъ о правѣ всѣхъ другихъ членовъ общества, не имѣвшихъ возможности воспользоваться этимъ правомъ [2]). Трудовая теорія собственности провозглашаетъ право индивида на полный продуктъ своего труда, но она,

---

[1]) Даже составленная въ атмосферѣ индивидуализма декларація правъ человѣка и гражданина формулировала свои постановленія о собственности съ нижеслѣдующимъ ограничительнымъ началомъ: „такъ какъ право собственности ненарушимо и священно, то никто не можетъ быть лишенъ своей собственности за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда общественная польза, законнымъ порядкомъ удостовѣренная, очевидно требуютъ этого и не иначе, какъ подъ условіемъ предварительной уплаты справедливаго вознагражденія". См. Еллинекъ-Декларація правъ, стр. 31.

[2]) Простыя слова Прудона: „le droit d'occuper étant égal pour tous, la possession varie comme le nombre des possesseurs; la propriété ne peut se former"— жестокій приговоръ надъ этой теоріей см. Qu'est ce que la propriété, l. c., стр. 223

прежде всего, не приложима къ землѣ, ибо таковая вовсе не является продуктомъ труда, а во-вторыхъ, какъ мы видѣли, всякій продуктъ въ условіяхъ раздѣленія труда является результатомъ массы неизмѣримыхъ дѣятельностей и, при томъ, не можетъ появиться внѣ участія другихъ производительныхъ факторовъ.

Любопытно отмѣтить, что по поводу послѣдней теоріи крайности какъ бы сходятся. Такіе типичные представители буржуазіи, какъ Тьеръ и Бастіа, выводятъ собственность изъ трудового начала, также какъ и многіе соціалисты. Крылатая формула Бастіа: „я понимаю подъ собственностью—право работника на цѣнность, создаваемую его трудомъ“ казалось бы могла удовлетворить соціалиста, а между тѣмъ онъ справедливо смотритъ на эту фразу, какъ на лицемѣріе буржуазіи, владѣющей доходомъ отъ капитала и земли.

Для современнаго теоретика причины такой шаткости взглядовъ на собственность понятны. Всѣ отмѣченныя выше теоріи лишены всякаго историческаго чутья, построены для защиты или разрушенія существующей системы собственности.

Выводы, къ которымъ пришелъ Адольфъ Вагнеръ при критикѣ этихъ теорій неутѣшительны. Онъ пишетъ: „институтъ частной собственности и различныя категоріи частной собственности, такимъ образомъ, не могутъ быть обоснованы на какихъ нибудь простыхъ естественныхъ основаніяхъ. Эти учрежденія созданы правообразованіемъ подъ вліяніемъ соображеній *цѣлесообразности и справедливости.* Они, слѣдовательно, *исторически объясняются и телеологически оправдываются.* . . . Въ частной собственности мы поэтому имѣемъ дѣло не съ естественно-необходимой, безъ дальнѣйшаго, изъ природы человѣка вытекающей категоріей, не съ чисто экономической категоріей, о которой можно было бы сказать, что безъ нея невозможно было бы правильное удовлетвореніе потребностей, немыслимо было бы существованіе хозяйства, а только *съ исторической категоріей.* . . Частная собственность на землю и капиталъ, какъ явленія, вытекшія изъ экономической цѣлесообразности, не могутъ разсматриваться, какъ вѣчныя учрежденія права и народнаго хозяйства. Именно

историческое изслѣдованіе въ отличіе отъ абстрактнаго должно это признать, если оно не хочетъ впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою. Руководящія соображенія цѣлесообразности видоизмѣняются или даже совершенно отпадаютъ съ общимъ историческимъ видоизмѣненіемъ совмѣстной общественной жизни людей, съ увеличеніемъ плотности населенія, съ измѣненіемъ техники производства, обращенія. Отсюда получается постулатъ: не остановка въ развитіи, но дальнѣйшее цѣлесообразное преобразованіе всего института собственности по мѣрѣ измѣнившихся потребностей и вновь признанныхъ народнохозяйственныхъ функцій современнаго права [1]). Близкій къ Вагнеру сторонникъ соціально этическаго же направленія и авторъ сочиненія о Прудонѣ проф. Диль [2]) признаетъ вмѣстѣ съ нимъ непригодность всѣхъ абстрактныхъ теорій о собственности и замѣчаетъ: исторія земельной собственности показываетъ, что по своему историческому происхожденію она основывается не только на народно-хозяйственныхъ и соціально-политическихъ соображеніяхъ цѣлесообразности, но „и на подчиненіи и насиліи“... Соображенія Вагнера и Диля очень интересны, но въ нихъ есть и нѣкоторая недоговоренность, именно съ точки зрѣнія историческаго и теоретическаго анализа.....

Почему же трудовая теорія цѣнности, какъ бы объединяетъ представителей буржуазіи и соціализма? Историческій процессъ развитія собственности совершался, само собою разумѣется, не безъ основаній. Законы исторической необходимости дѣйствовали, будутъ дѣйствовать и впредь. Всѣ теперь отлично понимаютъ, что частная собственность представляетъ собою историческій результатъ, политый кровью и страданіями цѣлыхъ поколѣній.

Родбертусъ давно честно и опредѣленно сказалъ, что „раздѣленіе труда, которое имѣетъ народнохозяйственное значеніе, которое лежитъ въ основѣ человѣческой кооперації,

---

[1]) См. Grundlegung der Politischen Oekonomie, 3-te Auflage, II Theil, стр. 230—231.

[2]) Karl Diehl. P. J. Proudhon, seine Lehre und sein Leben, erste Abteilung— Die Eigentumslehre und Werthlehre, Jena, 1888, стр. 33—51, 36.

которое является принципомъ прибавочнаго продукта раздѣленнаго труда, могло первоначально основываться лишь на принужденіи и силѣ“ [1]). Но какая же сила или теорія задерживаетъ правильный ходъ нашего историческаго анализа, какая теорія не даетъ намъ возможности ясно и опредѣленно заглянуть на тотъ путь, по которому должна быть направлена трансформаторская дѣятельность нарождающихся прогрессивныхъ силъ, стремящихся не разрушить, а переработать вѣками построенное зданіе нашей цивилизаціи?

Я долженъ прямо и опредѣленно сказать, что такимъ архаическимъ элементомъ является трудовая теорія цѣнности и собственности. Она еще и до сихъ поръ извращаетъ наши представленія объ обмѣнѣ и о самомъ существѣ нашей народнохозяйственной организаціи.

Если вы заглянете въ сочиненія Энгельса, то вы съ удивленіемъ замѣтите, что этотъ много потрудившійся на историческомъ поприщѣ писатель утверждаетъ, будто „законъ цѣнности Маркса имѣлъ всеобщее дѣйствіе за время съ начала развитія обмѣна, превратившаго продукты въ товаръ, вплоть до 15-го вѣка“ [2])! Эти слова ему пришлось сказать уже послѣ того, какъ фактъ реальнаго существованія трудовой цѣнности въ нашемъ капиталистическомъ хозяйствѣ былъ отвергнутъ. Эта точка зрѣнія возбудила оживленную полемику. Я остановлюсь на доказательствѣ всей ложности ея потому, что это дастъ мнѣ возможность, при признаніи неправильности трудовой цѣнности для будущаго, для прошедшаго и для настоящаго времени, сдѣлать важный выводъ относительно тѣхъ историческихъ силъ, съ которыми мы должны считаться и которыя, поэтому, всегда должны будутъ предопредѣлять характеръ намѣчаемой экономической политики и наши идеалы распредѣлительной справедливости [3]).

---

[1]) См. Zur Beleuchtung der socialen Frage, стр. 128.

[2]) Его статья: Законъ цѣнности и уровень прибыли. р. пер. Новое слово, Сентябрь, 1897 г., стр. 122.

[3]) О невозможности господства трудовой цѣнности въ будущемъ я уже говорилъ въ предшествовавшей статьѣ, Вѣстникъ Права, Октябрь

Что трудовая цѣнность не могла служить основой обмѣна въ эпохи, предшествовавшія капиталистическому строю, доказывается слѣдующими соображеніями: *во-первыхъ*, первичный обмѣнъ, какъ съ большою вѣроятностью мы можемъ предполагать, возникъ не на почвѣ обмѣна обычныхъ и самыхъ распространенныхъ благъ, т. е. тѣхъ, которыя производились въ каждой семьѣ и для ея потребностей, а, наоборотъ, на почвѣ благъ, которыя требовали особаго искусства, которыя были рѣдки и въ недостаточномъ количествѣ въ предѣлахъ даннаго мѣста. Этотъ обмѣнъ, какъ придатокъ къ натуральному хозяйству, имѣлъ совершенно случайный характеръ, и цѣна, которую получали владѣльцы такихъ предметовъ, могла стоять внѣ зависимости отъ потраченнаго на нихъ труда Правильная координація своихъ потребностей съ наличнымъ запасомъ силъ и средствъ, которая даетъ основаніе для представленій о трудѣ, какъ о хозяйственно ограниченной величинѣ, продуктъ долговременнаго историческаго развитія; *во-вторыхъ*, обмѣнъ, какъ показываютъ всѣ современные изслѣдователи, возникъ, какъ явленіе междуплеменное и главными двигателями обмѣна въ первоначальныя эпохи были вовсе не самостоятельные производители. Родоначальниками обмѣна въ большинствѣ случаевъ были владѣльцы прибавочнаго продукта; тѣ отношенія зависимости, которыя напр. характерны для всего средневѣковья, давали возможность отчуждать продуктъ, вовсе не сообразуясь съ трудомъ, заключеннымъ въ продуктѣ Представленіе о стоимости, при существованіи рабства и крѣпостного права, должны были существенно отличаться отъ нашихъ представленій о томъ же предметѣ; *въ третьихъ*, чтобы трудовой законъ цѣнности осуществлялся въ чистомъ видѣ, необходимо, чтобы каждый производитель зналъ количество труда, которое затрачено на продуктъ, который онъ самъ создалъ и вымѣниваетъ. Если даже въ наши дни, въ предѣлахъ хозяйствъ нашего вѣка, мы часто не въ состояніи разсчитать, что стоитъ продуктъ, то еще труднѣе это было въ предшествовавшія эпохи, когда существовали также „сложныя“ условія труда, опутаннаго всякими стѣсненіями и прилагавшагося въ тоже время въ условіяхъ неравной производительности, если даже не по отношенію къ капиталу, то, внѣ сомнѣнія, по отношенію къ землѣ и труду. Существованіе ренты отрицать нельзя, а уже это одно дѣлаетъ все представленіе о трудовой робинзонадѣ шаткимъ; *въ четвертыхъ*, существованіе раздѣленія труда въ болѣе позднюю эпоху напр. въ эпоху ремесленнаго быта, между городомъ и деревней, возникновеніе борьбы между землею и капиталомъ, неизбѣжно должно было координировать обмѣнъ въ столь же аналогичныхъ условіяхъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло и въ настоящее время.

Утвержденіе Маркса, а за нимъ Энгельса и другихъ, что обмѣнъ по трудовой цѣнности составляетъ prius цѣнъ производства, что обмѣнъ товаровъ по цѣнности, или приблизительно къ ней, требуетъ болѣе низкой ступени хозяйственнаго развитія, чѣмъ по цѣнамъ производства, что такой обмѣнъ мы встрѣчаемъ, какъ въ древности, такъ и въ новое время у крестьянъ, работающихъ на собственной землѣ, у ремесленниковъ, при рабствѣ, крѣпостничествѣ, цеховомъ строѣ, лишено достаточно прочнаго основанія. Аргументація Маркса построена на двухъ совершенно недоказательныхъ положеніяхъ: во первыхъ, по его мнѣнію, всѣ указанныя имъ формы хозяйствъ являются владѣльцами не капитала въ собственномъ смыслѣ этого слова,

а „средствъ производства“, которыя къ тому же въ такія эпохи трудно переносимы изъ однихъ отраслей въ другія. Во вторыхъ, при такихъ условіяхъ существованіе неравныхъ нормъ прибыли является для производителя „безразличнымъ“. ибо если напр. „одинъ производитель произвелъ больше затратъ, то послѣднія возвращаются ему въ большей долѣ цѣнности его товара, которая возмѣщаетъ эту „постоянную“ часть и ему приходится, поэтому, снова обращать большую долю общей цѣнности своего продукта въ вещественные элементы этой постоянной части, тогда какъ другому производителю, если онъ въ возмѣщеніе этихъ элементовъ получаетъ менѣе, то и менѣе придется ихъ превращать въ эту форму. Различіе нормъ прибыли будетъ для такихъ производителей столь же безразличнымъ, какъ и нынѣ мало значенія имѣетъ для наемнаго работника, какою нормою прибыли выразится выжатое у него количество добавочной цѣнности или какъ мало имѣетъ значенія въ международной торговлѣ различіе нормъ прибыли у различныхъ народовъ для ихъ товарнаго обмѣна“ (Т. III, I. В., н. изд. стр. 155–6).

Аргументація поразительно шаткая. Назвать средства производства мелкаго размѣра не капиталомъ,—это значитъ просто играть понятіями, въ особенности, если оно проявляется въ столь реальной формѣ, какъ неравенство нормъ прибыли. Признаніе такого неравенства нормъ прибыли или что то же ихъ дифференціаціи уже само по себѣ является отрицаніемъ трудовой цѣнности и оно тѣмъ болѣе не безразлично для такихъ производителей, что во всѣ эпохи капиталъ имъ обходится дороже и ставитъ производителей съ большими затратами капитала въ значительно лучшія условія съ производителями, у которыхъ затраты меньше. Изъ такого положенія вытекаетъ, что производители съ меньшими затратами получаютъ „высшее дифференціальное вознагражденіе“. Противорѣчіе вопіющее, которое должно было задерживать ростъ капиталистическаго развитія и не согласуется съ основнымъ фактомъ теоріи накопленія капитала, который создается и возрастаетъ всегда изъ наличности большей производительности предпріятій, гдѣ капиталъ помогаетъ труду. Отсутствіе соперничества въ такія эпохи скорѣе всего должно было содѣйствовать тому, что продукты обмѣнивались внѣ всякой зависимости съ затратами труда и капитала, а раздѣлъ прибавочнаго продукта долженъ былъ совершаться примѣнительно и согласно съ законами монополіи международной торговли, т. е. быть выгоднѣе для той стороны, которая удовлетворяла болѣе настоятельнымъ потребностямъ лицъ, имѣвшимъ, какъ при феодальномъ строѣ, массу не заработаннаго собственнымъ трудомъ прибавочнаго продукта. Въ средніе вѣка не деревня эксплуатировала городъ, а какъ разъ наоборотъ, по крайней мѣрѣ въ періодъ разцвѣта городской жизни.

До сихъ поръ мы не имѣемъ еще сколько нибудь удовлетворительнаго историческаго анализа условій, при которыхъ совершился переходъ средневѣковыхъ формъ хозяйства къ капиталистическимъ. Но всѣ попытки объяснить этотъ переходъ на почвѣ трудовой цѣнности страдаютъ большою искусственностью, совершенно не принимаютъ во вниманіе цѣлой массы своеоб-

разныхъ условій и въ особенности относящихся къ капиталовладѣльцамъ. Типичнымъ обращикомъ неясности и элементарности этихъ попытокъ служатъ напр. хотя бы возраженія Гильфердинга по поводу сомнѣній Зомбарта [1]).

Гильфердингъ слѣдующимъ образомъ представляетъ себѣ переходъ отъ до капиталистическаго хозяйства, гдѣ трудовая цѣнность была господствующимъ явленіемъ, къ капиталистическому. Зомбартъ, по его мнѣнію, оспариваетъ, что „равенство прибыли установилось, при переходѣ средневѣкового къ капиталистическому хозяйству, чрезъ нивеллированіе неравныхъ первоначальныхъ нормъ прибавочной цѣнности". Онъ полагаетъ, что „торговая прибыль была исходнымъ пунктомъ капиталистической конкуренціи. Если бы исходнымъ пунктомъ была прибавочная цѣнность, то капитализмъ захватилъ бы прежде всего области, гдѣ преобладаетъ живой трудъ, и только постепенно могъ бы захватить и другія области, по мѣрѣ развитія которыхъ должно было бы обнаружиться паденіе цѣнъ Капитализмъ, напротивъ, развивается въ отрасляхъ съ преобладаніемъ постояннаго капитала. Ошибочность этого положенія можетъ быть доказана и другимъ образомъ. Если бы въ областяхъ съ преобладаніемъ перемѣннаго капитала можно было при началѣ капиталистическаго хозяйства получать чрезмѣрныя прибыли, то это предполагало бы, что капиталъ сразу сталъ давать работу прежде самостоятельнымъ производителямъ, какъ рабочимъ, и всю разницу цѣнности съ товарными цѣнами класть себѣ въ карманъ. Капиталистическое же производство начало свое дѣло во вновь созданныхъ отрасляхъ промышленности съ разбитыми жизнью существами и при установленія цѣнъ исходило изъ понятія о затратѣ капитала"... На это Гильфердингъ возражаетъ: уравненіе различныхъ нормъ прибавочной цѣнности было длительнымъ процессомъ. Зомбартъ забываетъ, что торговецъ, становившійся капиталистомъ, не переставалъ быть торговцемъ. Главный доходъ ему давалъ его капиталъ, вложенный въ экспортное дѣло. Затрачивая первоначально небольшой постоянный капиталъ на выработку товаровъ за свой счетъ, онъ, во первыхъ, пріобрѣталъ возможность получать въ большемъ числѣ и болѣе равномѣрно нужные товары, что было важно при быстро растущемъ рынкѣ, и во вторыхъ, присваивая прибавочный трудъ занятыхъ ремесленниковъ, онъ получалъ добавочную прибыль. Если промышленная прибыль была даже меньше, то общая масса прибыли больше. Его промышленная прибыль росла, однако, быстро, когда при помощи новой техники (кооперація, мануфактура) онъ пріобрѣталъ возможность производить дешевле, чѣмъ его конкуренты. Соперничество заставляло и его конкурентовъ принимать новые методы производства и оставлять простое ремесленничество. Когда капиталисту пришлось ограничиваться внутреннимъ рынкомъ, онъ сталъ производить дешевле ремесленника. Рыночная цѣна опре-

[1]) См. Marx-Studien. Band I, Wien, 1904. Теорія самого Зомбарта, будто большія состоянія буржуазіи, послужившія основой новаго капиталистическаго порядка, возникли изъ капитализаціи городскихъ земельныхъ рентъ, удачно опровергнута г. I. Strider. Zur genesis der modernen Kapitalismus, L. 1904.

дѣлялась продуктами послѣдняго, капиталистъ получалъ экстра-прибавочную цѣнность, экстра-прибыль, и тѣмъ большую, чѣмъ было выше его техническое превосходство. Правовыя привиллегіи дѣлали это техническое превосходство монополіей отдѣльныхъ капиталистовъ. Только послѣ крушенія этихъ монополій, когда исчезли ограниченія въ передвиженіи капитала и прикрѣпленіе работника, стало возможнымъ уравненіе первоначально неравныхъ прибылей. Только тамъ, гдѣ фактически средства производства имѣли большое значеніе, какъ напр. въ горномъ дѣлѣ, сильное преобладаніе основного капитала даетъ основаніе капитализаціи, чему товарищеское производство служитъ первою ступенью. Такія отрасли промышленности составляютъ въ большинствѣ случаевъ монопольныя предпріятія, которыхъ доходъ надобно опредѣлять по особымъ законамъ (Marx-Studien стр. 40—42).

Просто не вѣрится, что все это написано для укрѣпленія трудовой цѣнности. Автору приходится самому констатировать, что условія дифференціальной, технической и соціальной производительности труда фактически лежатъ въ основѣ всего процесса. Отсюда, казалось бы, слѣдовало, что необходимо оставить не нужное догматическое стремленіе все объяснять трудовой цѣнностью, а прослѣдить *историческій* процессъ образованія ренты вообще. Историки и поработаютъ еще современемъ надъ этимъ вопросомъ и да не сбиваетъ ихъ съ пути теорія цѣнности, пусть помнятъ, что и экономисты ближе къ правдѣ, когда они говорятъ о цѣнѣ и о тѣхъ дифференціальныхъ условіяхъ, среди которыхъ она созидалась.

Мы живемъ въ настоящее время среди видоизмѣнившихся, но все же дифференціальныхъ условій. Въ историческомъ процессѣ капитало-образованія и установленія собственности дѣйствовали разные общественные классы, мобилизація и концентрація собственности имѣла свои законы, которые дѣйствуютъ и теперь и не могутъ быть разрушены провозглашеніемъ абстрактныхъ принциповъ. Капиталистическое хозяйство не удовлетворяется болѣе узкими границами государства. Въ свой круговоротъ оно захватываетъ постепенно весь міръ. Въ его внутреннихъ предѣлахъ существуютъ многообразные формы хозяйствъ какъ бы разныхъ стадій развитія и разной производительности, но тѣ основныя силы, значеніе которыхъ было замѣтно при самомъ началѣ развитія капиталистическаго хозяйства, остались и только болѣе опредѣлились, другими словами—всѣмъ стало ясно, что продуктъ—товаръ—есть соціальный результатъ всего хозяйствующаго общества и что ни одинъ классъ не можетъ претендовать на полный продуктъ своего труда.

Въ основѣ этого капиталистическаго хозяйства лежитъ

во-первыхъ, частная собственность, какъ условіе соціальнаго господства и организаціонный принципъ всего механизма производства, обмѣна и распредѣленія и, во-вторыхъ, классовыя соотношенія. Я не употреблю выраженія классовая борьба, ибо въ разныя историческія эпохи эти классовыя соотношенія могутъ принимать чрезвычайно разнообразную форму, доходя до полнаго и безпрекословнаго подчиненія какого либо класса, когда о классовой борьбѣ и говорить трудно. По общему же правилу, при болѣе или менѣе нормальномъ положеніи вещей, эта борьба принимаетъ характеръ „классовыхъ компромисовъ", какъ бы подтверждая обобщеніе Родбертуса, что исторія есть великій процессъ соединенія людей. Въ эпохи, которыя онъ называетъ органическими, соотношеніе классовъ принимаетъ характеръ созидательный, въ эпохи критическія отношенія классовъ обостряются, доходя до полнаго разложенія государственнаго и экономическаго быта. Классовыя компромисы замѣняются открытой и разрушительной классовой борьбою...

Изъ такихъ то условій современному экономисту приходится дѣлать заключеніе объ идеалѣ распредѣлительной справедливости и указывать необходимыя пути, ведущія къ его осуществленію. Соціальные идеалы, созданные въ головѣ мечтателя, не знающаго реальныхъ условій жизни, мало подвигаютъ насъ впередъ. Мы видѣли выше, какъ просто начертываетъ г. Пѣшехоновъ свой идеалъ. Для рѣшенія аграрнаго вопроса, на почвѣ націонализаціи земли, онъ рекомендуетъ заложить желѣзные дороги, т. е. денаціонализировать артеріи обращенія современнаго хозяйства. Онъ совершенно забываетъ, при этомъ, что въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ наши желѣзные дороги даютъ прямой дефицитъ, такъ что, прежде чѣмъ закладывать эти дороги, надо было бы ихъ такъ организовать, чтобы онѣ не содержались насчетъ налоговъ.

Онъ предполагаетъ, что государство можетъ предписать каждому оцѣнить стоимость земли и затѣмъ путемъ налога устранить всѣ преувеличенныя оцѣнки (??). Ему очевидно представляется, что онъ является диктаторомъ соціальнаго госу-

дарства, а не простымъ сотрудникомъ журнала „Русское Богатство“ [1]). Онъ до сихъ поръ повторяетъ Сэнъ Симонистскія желанія обезпечить каждому то, что создается его личными усиліями, забывая, что продуктъ есть соціальный результатъ и что каждый изъ насъ имѣетъ право только на справедливую долю этого продукта. Его три необходимыхъ пункта аграрной платформы были бы понятны, если бы они были простымъ провозглашеніемъ одной стороны со-

---

[1]) Мнѣ припоминаются драгоцѣнныя слова Родбертуса, съ которыми онъ обратился въ своемъ посланіи къ рабочимъ. „Но вы должны одно понять: хотя вы и являетесь главнымъ классомъ, но только однимъ изъ классовъ. Ваша судьба, также какъ и судьба другихъ классовъ взаимно опредѣляются другъ другомъ. Всѣ классы, а также и вашъ, не самостоятельны, но зависятъ другъ отъ друга. Вы не можете поэтому декретировать, а можете только вести переговоры. Въ тѣхъ переговорахъ и соглашеніяхъ, которыя теперь повсемѣстно подготовляются, какъ въ наукѣ, такъ и въ литературѣ и въ жизни, вы можете взять на себя инициативу дѣлать обществу только предложенія. Между собой вы можете согласиться только относительно того, что вы предложите. Только общество или вашъ договоръ съ другими общественными классами прочно установитъ, что должно осуществиться. Но ваши предложенія не пріобрѣтутъ отъ того меньше значенія, если вы откажетесь отъ невозможнаго, отъ желанія декретировать Ваши предложенія будутъ имѣть тѣмъ больше значенія, чѣмъ больше въ нихъ господствуетъ умѣренность и справедливость по отношенію къ другимъ общественнымъ классамъ ... Но какія же предложенія вы должны сдѣлать обществу для достиженія этой великой цѣли? На что вы должны обратить вниманіе при обсужденіи вопроса? I. Установите между собою количество рабочихъ дней въ теченіе года. II Добросовѣстно и тщательно опредѣлите, сколько часовъ досуга изъ 24 часовъ сутокъ вамъ необходимо, чтобы вы могли отдохнуть, повеселиться и позаботиться о своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи. III. Когда вы будете опредѣлять, сколько досуга вамъ необходимо и какой доходъ вы должны будете получить, вы должны руководиться двумя соображеніями, во первыхъ, что вы свободные рабочіе и граждане государства, во вторыхъ тѣмъ, что общество въ правѣ потребовать отъ васъ извѣстныхъ услугъ соотвѣтственно его культурѣ. Распредѣлите исчисленный доходъ на число рабочихъ дней и примите полученный коефиціентъ, какъ плату за нормальный рабочій день. Придите къ соглашенію съ предпринимателями, чтобы эта такса заработной платы мѣнялась отъ времени до времени (въ періодъ десяти лѣтъ) въ зависимости отъ возрастанія производительности труда. Производительность общественнаго труда, точно также какъ и общественный продуктъ въ періодъ 10 лѣтъ значительно возрастетъ и принадлежащая вамъ доля годичнаго дохода должна возвыситься въ томъ же отношеніи“. См. Zur Beleuchtung der social. Frage, B. II, Sendschreiben an der Arbeiter—congress (1862 г.), стр. 225—242.

ціалъ-демократической программы. Но тогда ихъ и слѣдовало бы формулировать совсѣмъ иначе, и вовсе не такъ утопично. Программа, о которой я говорю, ставитъ своей задачей обобществленіе всѣхъ средствъ производства, какъ въ земледѣліи, такъ и въ фабрикаціи, а, слѣдовательно, и новую организацію всей производительной дѣятельности общества, его обмѣновъ и условій распредѣленія. Кто можетъ предвидѣть, какой періодъ времени потребуется для этой коллосальной задачи? Г. же Пѣшехоновъ, какъ истинный утопистъ, говоритъ намъ о какомъ то „свободномъ размѣщеніи населенія на территоріи и о свободномъ распредѣленіи его на классы“ и, при этомъ желаетъ, чтобы земля не могла служить средствомъ присвоенія прибавочнаго продукта, создаваемаго въ какихъ то „чужихъ“ хозяйствахъ и чтобы былъ „положенъ предѣлъ присвоенію общественнаго достоянія, представляющій результатъ коллективнаго труда“. Первая формула „обезпеченія для каждаго результатовъ его личныхъ усилій“ не кажется ему противорѣчащей „желанію устранить возможность захвата результатовъ коллективнаго труда“. Если при ближайшемъ же разсмотрѣніи его платформы окажется, что онъ является простымъ сторонникомъ расширенія размѣровъ мелкаго крестьянскаго хозяйства и стремится къ передачѣ земли крестьянамъ на началахъ все той же частной собственности, индивидуальной или общинной, то всѣ его громкія начала аграрной реформы могутъ оцѣниваться совсѣмъ съ другой точки зрѣнія. Такая реформа уже стала предметомъ обсужденія и разсматривается съ точки зрѣнія простой цѣлесообразности и на началахъ близкихъ къ реформѣ промышленной: она имѣетъ своею цѣлью обезпеченія работнику такой же нормальной платы за трудъ, какъ и промышленному работнику, и такую же прочность, обезпеченіе для него возможности затрачивать плодотворно и безъ безработицы свои силы [1]). Если

[1]) Обсужденію вопроса объ аграрной реформѣ я разсчитываю посвятить особую статью. Укажу здѣсь только на платформу конституціонно-демократической партіи, которая ставитъ эту реформу реально, а не утопически. Сколько

же платформа г. Пѣшехонова имѣетъ цѣлью націонализацію земли, т. е. отмѣну частной поземельной собственности и передачу всѣхъ частновладѣльческихъ земель, включая сюда земли крестьянъ и учрежденій, въ руки государства, то она поражаетъ своею утопичностью. Увѣренъ ли онъ, что государство можетъ справиться съ такою громадною задачею? Увѣренъ ли онъ, что для этого уже имѣются наличныя общественныя силы? Можетъ ли онъ доказать, что государство при посредствѣ мелкаго крестьянскаго хозяйства въ состояніи создать наилучшую организацію земледѣльческаго труда, при которой земля перестанетъ быть средствомъ при-

---

силъ и времени можетъ потребовать осуществленіе даже такой реальной платформы, §§ 36, 37, 38, 39 и 40 формулированы такъ:

36. Увеличеніе площади землепользованія населенія, обрабатывающаго землю личнымъ трудомъ, какъ-то. безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ, а также и другихъ разрядовъ мелкихъ хозяевъ-земледѣльцевъ, государственными, удѣльными, кабинетскими и монастырскими землями, а также путемъ отчужденія для той же цѣли за счетъ государства въ потребныхъ размѣрахъ частно-владѣльческихъ земель съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ по справедливой (не рыночной) оцѣнкѣ.

37. Отчуждаемыя земли поступаютъ въ государственный земельный фондъ. Начала, на которыхъ земли этого фонда подлежатъ передачѣ нуждающемуся въ нихъ населенію (владѣніе или пользованіе личное или общинное и т. д.), должны быть установлены сообразно съ особенностями землевладѣнія и землепользованія въ различныхъ областяхъ Россіи.

38. Широкая организація государственной помощи для переселенія, разселенія и устройства хозяйственнаго быта крестьянъ. Реорганизація межеваго дѣла, окончаніе размежеванія и другія мѣры для подъема благосостоянія сельскаго населенія и улучшенія сельскаго хозяйства.

39. Упорядоченіе закономъ арендныхъ отношеній путемъ обезпеченія права возобновленія аренды, права арендатора, въ случаѣ передачи аренды, на вознагражденіе за произведенныя, но неиспользованныя къ сроку затраты на улучшенія, и учрежденіе примирительныхъ камеръ для регулированія арендной платы и для разбора споровъ о несогласій между арендаторами и землевладѣльцами. Открытіе законнаго пути въ судебномъ порядкѣ для пониженія непомѣрно высокихъ арендныхъ цѣнъ и уничтоженія носящихъ гибельный характеръ сдѣлокъ въ области земельныхъ отношеній.

40. Отмѣна дѣйствующихъ правилъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ и распространеніе рабочаго законодательства на земледѣльческихъ рабочихъ, примѣнительно къ техническимъ особенностямъ земледѣлія. Учрежденіе сельскохозяйственной инспекціи для наблюденія за правильнымъ примѣненіемъ законодательства по охранѣ труда въ этой области и введеніе уголовной отвѣтственности сельскихъ хозяйствъ за нарушеніе ими законодательныхъ нормъ по охранѣ труда.

своенія прибавочнаго продукта, создаваемаго, по его словамъ, въ какихъ то чужихъ хозяйствахъ? Я не стану пока поднимать вопроса о значеніи мелкаго и крупнаго хозяйства въ земледѣліи, но отмѣчу, что по мнѣнію многихъ писателей, въ томъ числѣ и извѣстнаго Каутскаго, „устройство товариществъ“ (а въ этомъ видятъ существенное условіе сельскохозяйственнаго прогресса) гораздо-доступнѣе крупнымъ землевладѣльцамъ, число которыхъ гораздо меньше, которые располагаютъ досугомъ, обширными знаніями и связями, коммерческимъ опытомъ, своимъ и наемнымъ“. Если бы онъ былъ экономистомъ-реалистомъ онъ прежде всего поставилъ бы вопросъ: кто въ данныхъ историческихъ условіяхъ: земледѣліе или фабрикація данной страны захватываетъ въ свою пользу наибольшую долю прибавочнаго продукта? Ему тогда стало бы ясно, что земельная и промышленная реформа—это часть одной и той же проблемы, что рѣшать ихъ можно только одновременно. Вѣдь вопросъ не только въ передачѣ земли въ другія руки, но и въ снабженіи хозяйствующаго субъекта капиталомъ, въ соотвѣтствующемъ умѣніи распорядиться своимъ трудомъ въ сложныхъ общественно-хозяйственныхъ условіяхъ, въ опредѣленіи отношеній земледѣльца къ промышленному классу и къ классу землевладѣльцевъ. Ни одинъ классъ не исчезаетъ изъ жизни безъ борьбы за свое существованіе, а историческая традиція даетъ ему могущественныя средства для этой самозащиты и борьбы. Капиталистическая машина всего міра, связывающая воедино народы всего свѣта, имѣетъ свои законы эволюціи и съ ними приходится всегда считаться.

Одинъ изъ нашихъ экономистовъ, котораго нѣтъ никакихъ основаній заподазривать въ буржуазныхъ тенденціяхъ, высказалъ по этому поводу очень вѣскія соображенія. Въ своихъ статьяхъ по вопросу объ аграрной реформѣ проф. Герценштейнъ пишетъ: „я не высокаго мнѣнія о нашемъ частно-владѣльческомъ хозяйствѣ и не думаю, чтобы землевладѣльцы вели хозяйство такъ, какъ они могли бы и, пожалуй, должны были бы вести, но при всемъ томъ помѣщичье хозяйство является въ настоящее время во многихъ

случаяхъ культурнымъ центромъ, какъ въ смыслѣ техники, такъ и въ смыслѣ распространенія всякаго рода знаній и умственнаго развитія. Нельзя не признать, что во многихъ мѣстностяхъ сельскохозяйственныя машины, улучшенный сѣвооборотъ, новые производства и промыслы, дающія заработокъ населенію, и цѣлый рядъ другихъ улучшеній обязаны своимъ происхожденіемъ частному землевладѣнію. Не думаю, чтобы эта культурная миссія могла быть выполнена государствомъ или органами самоуправленія безъ содѣйствія землевладѣльцевъ. И съ этой стороны, я не считалъ бы желательнымъ превращеніе помѣщика въ пенсіонера, получающаго ренту отъ государства. Долженъ признаться, что я не раздѣляю оптимистическихъ воззрѣній на всемогущество государства. Я не думаю, чтобы государство могло справиться съ такою задачею, какъ эксплоатація частно-владѣльческихъ земель, если бы они сразу перешли въ его руки. Земли эти расположены далеко не вездѣ такъ, чтобы ими можно было немедленно воспользоваться для раздачи земли крестьянамъ. Огромный капиталъ, лежащій въ постройкахъ, пригодныхъ для помѣщичьяго хозяйства, погибъ бы безвозвратно. Мы наблюдали бы тогда картину разрушенія, которую иногда приходится наблюдать, когда имѣніе, въ которомъ велось когда то самостоятельное хозяйство, переходитъ въ крестьянскія руки. Государству пришлось бы, можетъ быть, вести хозяйство на большихъ площадяхъ, а государство далеко не такой хорошій хозяинъ, какъ это многимъ представляется. Думаю, что казенное управленіе не только то, которое выросло въ прежнихъ традиціяхъ, но и то, которое можетъ создаться въ иныхъ политическихъ условіяхъ, не могло бы въ ближайшемъ будущемъ справиться съ такою задачею. Такое хозяйство велось бы убыточно и государство не въ состояніи было бы покрывать изъ доходовъ платежей по выкупному долгу“ (см. Аграрный вопросъ, стр. 125).

Надъ этими словами стоитъ задуматься. Мнѣ представляется, поэтому, что всѣ платформы вродѣ выставляемыхъ г. Пѣшехоновымъ не даютъ намъ отвѣта на вопросъ, въ какомъ принципѣ можетъ заключаться руководящее начало,

для людей стремящихся искренно къ идеаламъ распредѣлительной справедливости. Ихъ платформы напоминаютъ намъ утопіи Томсона и Прудона: они обѣщаютъ, но не даютъ, манятъ къ творческой работѣ, а создаютъ только хаосъ.

Громадная заслуга истиннаго марксизма заключается въ томъ, что онъ ставитъ своей задачей найти способы для осуществленія своего идеала только, стоя на почвѣ *„реальнаго соотношенія наличныхъ общественныхъ силъ“*.

Въ своей теоріи распредѣленія, слѣдуя завѣтамъ классической школы, марксизмъ также пытался изслѣдовать вопросъ, какой классъ и по какимъ экономическимъ основаніямъ преобладаетъ надъ другими, т. е. имѣетъ возможность, и, при данныхъ юридическихъ условіяхъ, и право получать наибольшую долю изъ всей массы прибавочнаго продукта, произведеннаго обществомъ.

Эта сторона теоріи распредѣленія, однако, осталась и остается до сихъ поръ всего менѣе разслѣдованной. Скажу даже болѣе, она въ трудахъ марксистовъ почти не подвинулась впередъ. Долгое время упорно держалось воззрѣніе, будто, землевладѣльческій классъ, какъ производитель хлѣба, всегда въ состояніи обезпечить себѣ преобладающее значеніе по чисто экономическимъ основаніямъ. Новѣйшій анализъ показываетъ, что въ нашей капиталистической машинѣ имѣется удивительная организація, чисто экономическая, какъ промышленнаго капитала, такъ и капитала обращенія.

Борьба за раздѣлъ прибавочнаго продукта, составляющая жизненную и великую задачу въ предѣлахъ нашего хозяйства, оказалась зависящей отъ цѣлаго ряда не только экономическихъ, но соціально политическихъ условій. Преобладающее положеніе землевладѣльца оправдывалось исключительно двумя экономическими соображеніями: 1) ограниченностью территоріи, которая вся обращена въ частную собственность, 2) закономъ уменьшающейся производительности земли. На этихъ двухъ соображеніяхъ обосновывалось монопольное положеніе производителей хлѣба, самонужнѣйшаго продукта во всякомъ обществѣ. Невозможность созданія такого монопольнаго положенія для капитала и труда оправдывалась сообра-

женіями о постоянномъ накопленіи капитала и неизмѣннымъ возрастаніемъ производительности капиталистической промышленности, въ частности для трудящагося населенія процессомъ его размноженія при всякомъ улучшеніи условій жизни и условіями конкуренціи на рабочемъ рынкѣ людей, не имѣющихъ никакихъ средствъ къ существованію, кромѣ продажи своей силы.

Для современнаго экономиста, знакомаго съ могущественнѣйшими организаціями капитала, знающаго, что процессъ неизбѣжнаго накопленія капитала не такъ простъ, часто задерживается чисто соціальными условіями, совершается не только въ фабрикаціи, но и въ земледѣліи, для экономиста, которому не страшенъ законъ уменьшающейся производительности почвы и для котораго точно извѣстны причины дороговизны капитала, напр. во всю эпоху средневѣковья, для обществовѣда, который хоть сколько нибудь слѣдилъ за соціально-политической организаціей рабочаго и другихъ общественныхъ классовъ, указанныя выше положенія теоріи преобладанія кажутся въ высшей степени элементарными и наивными [1]).

Достаточно бѣгло намѣтить нѣкоторыя особенности соціально политическаго положенія землевладѣльцевъ (крупныхъ и мелкихъ), чтобы убѣдиться, что наукѣ давно пора выбросить теорію преобладанія какой нибудь экономической силы, основываясь по существу только на естественной ограниченности этой силы. Соціальныя условія существо-

[1]) Каннанъ справедливо замѣчаетъ, что наиболѣе высокія ренты въ городахъ созданы внѣ всякой зависимости отъ этого закона уменьшающейся производительности земли, который, къ тому же, очень неопредѣленъ. „Рикардіанская теорія закона уменьшающейся производительности земли, пишетъ Каннанъ, не даетъ никакихъ указаній относительно числа дозъ-затратъ, дающихъ болѣе, чѣмъ предѣльная доза-затрата, которую можно пустить въ ходъ съ прибылью, а слѣдовательно, утверждая, что рента равна суммѣ избытка отъ всѣхъ затраченныхъ дозъ, которыя выгодно употреблять, эта теорія говоритъ намъ очень мало". Вездѣ въ Европѣ, гдѣ сказывалась капитализація земледѣлія, мы можемъ до нынѣ отмѣчать не пониженіе, а повышеніе производительности., не истощеніе почвы, а умѣніе приспособить ее къ требованіямъ растеній, къ разнообразнымъ потребностямъ рынка; техника производства также сильно видоизмѣнилась благодаря усовершенствованію земледѣльческихъ машинъ.

ванія экономическаго быта гораздо могущественнѣе чисто естественныхъ условій. Исторія постепенно и послѣдовательно создаетъ ту организацію общественныхъ силъ, которая не даетъ никогда, на долгое время, возможности преобладать окончательно одной экономической силѣ надъ другой. Историческая борьба между городомъ и деревней, весь современный протекціонизмъ, удивительно сложная организація торговаго и промышленнаго капитала, всѣ особенности правоваго быта, нормирующія условія завладѣнія прибавочнымъ продуктомъ въ земледѣліи и фабрикаціи, въ обращеніи, вс это—ничто иное, какъ картины классовой борьбы за раздѣлъ прибавочнаго продукта. Вся своеобразная структура цѣнъ вознагражденій является долговременнымъ результатомъ этой борьбы и рабочее сословіе въ своемъ вознагражденіи зависитъ отъ этихъ условій: его вознагражденіе дифференцировано соотвѣтственно условіямъ порядка той жизни, среди котораго оно живетъ и борется за свои права. Перестроить этотъ порядокъ оно можетъ только борясь за свое вознагражденіе и тѣмъ самымъ, видоизмѣняя положеніе владѣющихъ классовъ, сводя ихъ соціальное господство къ роли вознагражденія квалифицированнаго труда, устраняя изъ общества элементы, которые знаютъ только жизнь наслажденія и потребленія, а не соціально-необходимаго общественнаго труда.

Въ этомъ отношеніи крайне поучительна исторія жизни и дѣятельности англійскихъ рабочихъ союзовъ. Нигдѣ въ Европѣ союзное движеніе рабочихъ не имѣло такого своеобразнаго отпечатка, какъ въ Англіи. Къ тому же вопросъ о рабочихъ союзахъ въ этой странѣ получилъ блестящее освѣщеніе въ трудахъ Беатрисы и Сиднея Веббовъ [1]). Имъ удалось начертать картину почти столѣтней дѣятельности

[1]) См. ихъ The History of Trade Unionism, London, 1894 и ихъ же Industrial Democracy, L. 1897 (въ русскомъ переводѣ послѣднее сочиненіе подъ заглавіемъ Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма, т. I, пер. Ильина), такъ же очень интересное изложеніе ихъ взглядовъ въ сочин. О. фонъ-Цвидинекъ-Зюденгорстъ. Теорія и политика заработной платы, пер. съ нѣмецкаго Б. Авилова, стр. 273 и сл.

этихъ союзовъ и подмѣтить тѣ основные моменты ихъ исторіи, которые характеризуютъ настроеніе рабочихъ массъ.

Я не имѣю ни малѣйшаго желанія подробно останавливаться на этой поучительной исторіи. Но для всякаго знакомаго съ нею ясно, что та послѣдняя стадія, которую они переживаютъ нынѣ, знаменуетъ собою поворотъ къ совершенно новымъ условіямъ промышленной жизни. Эта стадія должна принести свои плоды въ ближайшемъ же будущемъ и незамѣтно направить движеніе промышленнаго организма Англіи къ тому царству доходовъ, которое дастъ каждому его такъ или иначе квалифицированную долю общественнаго продукта.

Въ періодъ столѣтней борьбы весь государственный механизмъ Англіи перестроился. Политически организованная демократія получила рѣшительное преобладаніе и Англія обратилась въ страну капиталистическаго хозяйства.

Неясныя мечтанія кооператоровъ въ духѣ Роберта Оуена почти замерли.

Преобразованіе капиталистическаго строя путемъ организаціи мелкихъ производительныхъ товариществъ оказалось утопіей. Агитація и борьба Оуенистовъ принесла съ собою только въ томъ отношеніи хорошіе плоды, что еще сильнѣе выдвинула на очередь вопросъ о необходимости экономической и политической организаціи рабочаго класса. Необыкновенный ростъ капиталистически организованныхъ промысловъ въ срединѣ прошлаго вѣка въ связи съ освѣженіемъ политической атмосферы по мѣрѣ роста организованной демократіи привелъ къ тому, что рабочіе союзы, которые въ концѣ 18-го вѣка и въ началѣ 19-го ставили своей задачей защиту права на существованіе, рѣзко перемѣнили свою тактику. Споры о естественныхъ правахъ человѣка замерли и на очередь былъ поставленъ практическій вопросъ о принципахъ, подъ знаменемъ которыхъ должна идти борьба за улучшеніе условій жизни трудящихся массъ. Долгое время среди союзовъ господствовали индивидуалистическія тенденціи, не замершія окончательно и до настоящаго времени. Союзы признавали принципъ спроса и предложенія справедливой основой опре-

дѣленія высоты заработной платы. Судьба рабочаго сословія ставилась въ зависимость отъ двухъ условій: 1) отъ доходности промышленности и цѣнъ на производимый товаръ и 2) отъ умѣнія рабочаго класса поставить предложеніе труда въ выгодное положеніе по отношенію къ спросу на него. На практикѣ это воззрѣніе выразилось: въ стремленіи фабрикантовъ и вообще производителей заботиться всѣми политическими и экономическими средствами объ увеличеніи доходности разныхъ отраслей промышленности, къ установленію подвижныхъ шкалъ заработной платы въ зависимости отъ цѣнъ на товаръ и доходности предпріятій и въ соглашеніяхъ между профессіональными союзами рабочихъ и организаціями предпринимателей.

Система подвижной шкалы, которая приводила въ связь заработную плату съ цѣнами и доходомъ предпринимателей, принесла въ ближайшемъ же будущемъ большія разочарованія, но въ то же время она имѣла большое историческое значеніе. Она содѣйствовала тому, что рабочіе и предприниматели въ вопросѣ о раздѣлѣ произведеннаго и пріобрѣтеннаго дохода сошлись, какъ двѣ, если не экономически, то политически, равныя стороны съ настоящею боевою организаціею. Размѣръ заработной платы пересталъ зависѣть исключительно отъ соперничества индивидуальныхъ лицъ, но сталъ опредѣляться отчасти путемъ организованнаго, коллективнаго торга двухъ сторонъ. Для рабочихъ воочію выяснилось, что простая формула, которую ставили предъ ихъ глазами многообразныя соціальныя реформаторы: „get rid of the employer“ т. е. долой предпринимателя—не такъ легко осуществима, какъ это кажется. Предприниматели съ ихъ частною собственностью представляютъ собою какой то необходимый элементъ въ современной организаціи промышленности, а заработная плата рабочихъ со всѣми ея колебаніями около нѣкотораго средняго уровня вверхъ и внизъ также представляетъ собою результатъ современной экономической системы.

Когда отношенія сложились въ такую форму, когда мало по малу стали слагаться учрежденія для опредѣленія условій

этого коллективнаго торга, жизнь немедленно же поставила тотъ же старый вопросъ, надъ которымъ бились индивидуалисты и соціалисты начала и средины прошлаго вѣка: вопросъ „о справедливомъ вознагражденіи и о способахъ его обезпеченія".

Впервые выраженіе *жизненная плата* (living wage) было пущено въ ходъ Ллойдомъ Джонсономъ въ 1874 г., но практическое значеніе оно получило лишь двадцать лѣтъ спустя, когда члены союза горнорабочихъ формально отказались отъ прежней догмы спроса и предложенія въ вопросахъ труда. Въ 1892 г. они рѣшительно выразили мнѣніе, что работнику принадлежитъ „право на минимумъ платы, независимый отъ состоянія данной отрасли промышленности", минимумъ, при которомъ „они могли бы поддерживать свою дѣеспособность, какъ производители и какъ граждане, какъ выполнители особыхъ функцій въ соціальномъ организмѣ". Эта плата предполагаетъ такой размѣръ средствъ, который обезпечиваетъ нормальное пропитаніе, одежду, хорошее жилище, нѣкоторый запасъ свободныхъ средствъ для другихъ потребностей, однимъ словомъ такой доходъ, который необходимъ для поддержанія физическихъ и духовныхъ силъ семьи въ деревнѣ или городѣ.

Фактически борьба за эту заработную плату пошла по своеобразному пути.

Для рабочихъ она свелась къ борьбѣ за нормальную плату, ниже которой они не должны наниматься, обезпечивая себѣ при томъ нормальное количество часовъ труда за эту плату, болѣе или менѣе постоянную работу, правильное распредѣленіе рабочей силы по странѣ и право участія въ самихъ распорядкахъ веденія предпріятія. Предъ предпринимателями стала сложная задача заботиться объ успѣхѣ промысла, о правильномъ процессѣ образованія цѣнъ, о „нормальномъ уровнѣ прибыли". Для обѣихъ сторонъ явилась потребность добиться какой то „прочности и справедливости (stability and fairness), чтобы устранить „голодную заработную плату" (starwation wage) и потерю капитала (loss of capital).

И что особенно замѣчательно—первоначально эти коллективныя попытки установленія нормальной платы совершались только въ предѣлахъ отдѣльныхъ мастерскихъ; впослѣдствіи они стали распространяться на всѣхъ рабочихъ даннаго города или округа извѣстнаго промысла. Въ концѣ концовъ, въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ продукты, произведенные въ различныхъ мѣстахъ и областяхъ, попадаютъ на общій рынокъ, стало замѣчаться стремленіе установить общій уровень платы для всѣхъ рабочихъ путемъ созданія обще-національнаго соглашенія между федераціей или амальгамаціей рабочихъ союзовъ, съ одной стороны, и союзами предпринимателей, съ другой. Такимъ образомъ ставится уже совершенно новый вопросъ „о національномъ минимумѣ заработной платы“ и наряду съ этимъ вырабатываются чрезвычайно сложная система отношеній предпринимателей и рабочихъ между собою и къ тому дѣлу, которое кормитъ и тѣхъ, и другихъ. Эти учрежденія находятся еще въ періодѣ ихъ созданія, но въ томъ американскомъ репортѣ, который я уже отмѣтилъ въ первой статьѣ, дана любопытнѣйшая картина этихъ попытокъ реорганизаціи промышленности, какъ со стороны предпринимателей, такъ и со стороны рабочихъ. Такъ назрѣваютъ силы, которыя въ ближайшемъ же будущемъ примутся за осуществленіе завѣтовъ Родбертуса: бороться за нормальную плату въ нормальныхъ условіяхъ организованнаго труда.... [1]). Индивидуализмъ рабочихъ организацій, высокая плата среди организованныхъ рабочихъ поставилъ вопросъ о необходимости общаго, совмѣстнаго нормированія справедливаго раздѣла произведеннаго и пріобрѣтеннаго продукта....

Представители соціалистической партіи въ Англіи стоятъ

---

[1]) Это настроеніе рабочихъ массъ крупной индустріи Англіи отразилось и на земельномъ законодательствѣ Ирландіи, которое создано законами 1875, 1883, 1895 и 1900 г.г. при поддержкѣ англійскихъ рабочихъ союзовъ. Какъ извѣстно, ирландское законодательство объ арендѣ преслѣдуетъ четыре задачи: 1) обезпечиваетъ право арендатора на произведенныя имъ улучшенія; 2) принимаетъ мѣры къ упроченію пользованія арендуемой землей; 3) регулируетъ размѣры арендной платы; 4) возмѣщаетъ убытки за нарушенное пользованіе.

всецѣло на почвѣ этой послѣдовательной борьбы за заработную плату и за организацію труда. Но не противорѣчитъ ли такая политика общимъ основамъ соціалистической платформы? Въ началѣ нашей работы мы поставили этотъ вопросъ и теперь можемъ дать на него окончательный отвѣтъ.

Какъ мы видѣли, почти всѣ соціальные реформаторы и представители буржуазнаго направленія стремились, прежде всего, къ одной цѣли: къ созданію такой организаціи хозяйства, при которой достигалась бы наивысшая производительность труда. Идеаломъ ихъ соціально-экономической политики былъ всегда „производственный идеалъ“ и только по вопросу о распредѣленіи произведеннаго между воззрѣніями ихъ была глубокая пропасть.

Если мы обратимся къ изученію того, въ какой формѣ формулировался этотъ производственный идеалъ, то по существу мы подмѣтимъ пять своеобразныхъ формъ его.

Въ первой формѣ, и притомъ самаго общаго характера, онъ былъ созданъ еще классиками и крупнѣйшимъ изъ нихъ Рикардо. Этотъ производственный идеалъ указывалъ на необходимость заботиться о томъ, чтобы съ наименьшей затратой труда и капитала получалось наибольшее количество богатства т. е. по англійской терминологіи наибольшее количество матеріальныхъ благъ. Другими словами, онъ требовалъ наиболѣе цѣлесообразной борьбы человѣка съ природой и за свое существованіе. Этотъ идеалъ требовалъ, чтобы богатство доставалось по наименьшей предѣльной цѣнности, по предѣльно наименьшимъ издержкамъ производства. Однимъ словомъ онъ желалъ: много, безконечно много продуктовъ, наинизшія цѣнности. Онъ не боялся кризисовъ и устами Сэ провозгласилъ, что „продукты обмѣниваются на продукты“ и что при пропорціональномъ развитіи всѣхъ производствъ для роста потока продукціи мы не можемъ, да это и не желательно, знать предѣловъ. Очень часто полагаютъ, что этотъ производственный идеалъ совпадаетъ съ интересами потребителей.

Тотъ же идеалъ неоднократно формулировался и въ болѣе реальной классовой формѣ. Это былъ, если можно выразиться,

производственный идеалъ въ доходахъ. При этомъ защитники его желали высокаго размѣра или роста одного вида этихъ доходовъ или даже всѣхъ ихъ одновременно [1]). Такой производственный идеалъ мы впервые встрѣчаемъ ясно формулированнымъ въ началѣ прошлаго вѣка въ Англіи, во время той знаменитой борьбы аграрнаго и промышленнаго интереса, литературными представителями которой были Мальтусъ и Рикардо. Мальтусу была дороже всего высокая рента, Рикардо защищалъ интересы прибыли.

Въ третьей формѣ производственный идеалъ принимаетъ характеръ политико-промышленной теоріи. Разработка его почти со всѣми деталями уже сдѣлана Мальтусомъ, но пріобрѣтаетъ всесвѣтную извѣстность въ односторонней, неполной и, по сравненію съ Мальтусомъ, въ жалкой формѣ у Листа. Этотъ идеалъ сводится къ желанію развить „экономическое

---

[1]) Считаю долгомъ отмѣтить, что точка зрѣнія Адама Смита явилась реакціей противъ взгляда физіократовъ. Смитъ защищалъ политику валоваго дохода, при которой, по его мнѣнію возможенъ ростъ всѣхъ трехъ доходовъ: ренты, прибыли и заработной платы. Физіократы, а впослѣдствіи и Рикардо, были защитниками чистаго дохода и крупнаго капиталистическаго хозяйства.

Физіократы полагали, что при мелкомъ хозяйствѣ въ земледѣліи чистый доходъ поглощается содержаніемъ рабочихъ и рабочаго скота. Любопытно, что одинъ выдающійся русскій экономистъ г. В. Е. Постниковъ въ своемъ примѣчательномъ изслѣдованіи: „Южно-русское крестьянское хозяйство“ положилъ въ основу своей работы это положеніе физіократовъ. По его мнѣнію (ст. 322 и слѣд.) „отношеніе численности населенія и количества рабочихъ силъ къ территоріи сельскаго хозяйства было и навсегда останется кореннымъ факторомъ экономическаго быта страны, потому что содержаніемъ рабочихъ силъ—людей и рабочаго скота—поглощается большая часть валоваго дохода въ земледѣльческомъ производствѣ... При излишествѣ въ земледѣліи рабочихъ силъ, теряющихся вслѣдствіи праздности или ненормальныхъ условій земледѣльческой техники, уменьшается обшая масса продовольственныхъ запасовъ и отпускаемаго на рынокъ сырья и въ то же время теряется для страны цѣнность всего того, что могло бы быть произведено трудомъ излишняго для земледѣлія населенія... Онъ полагаетъ, что средняя полоса Россіи пересыщена въ земледѣліи трудомъ рабочихъ и рабочаго скота. По его мнѣнію малый размѣръ крестьянскаго хозяйства и землевладѣнія, не позволяющій утилизировать всю рабочую способность крестьянской семьи и не допускающій значительнаго примѣненія въ земледѣліи артельныхъ формъ труда, есть коренная причина экономической бѣдности Россіи“, Какая громадная задача стоитъ предъ нами въ видѣ пропаганды сельскохозяйственныхъ товариществъ! Жизнеспособнымъ г. Постниковъ считаетъ крестьянское хозяйство примѣрно въ 20 десятинъ.

государство“ до наивысшей степени аграрно-промышленно-торговаго государства, и указываетъ средства, при помощи которыхъ можно достигнуть „наивысшаго развитія производительныхъ силъ“, техническихъ, соціальныхъ и моральныхъ, для содержанія на данной территоріи наибольшей массы населенія. Этотъ гораздо болѣе политическій, чѣмъ историческій идеалъ, связывающійся, само собою разумѣется, съ многочисленными интересами, живетъ и теперь въ сердцахъ протекціонистовъ, проповѣдывающихъ солидарность протежируемыхъ интересовъ и требующихъ защиты нарождающейся, зрѣющей, но никогда не созрѣвающей промышленности.

Въ четвертыхъ, производственный идеалъ принимаетъ историческую форму. Изучая ходъ историческаго развитія, писатели этого направленія приходятъ къ убѣжденію, что самопроизвольное и неизбѣжное развитіе матеріальныхъ производительныхъ силъ совершается чрезъ противорѣчіе въ созданныхъ ими производственныхъ отношеніяхъ и, въ концѣ концовъ, не можетъ не привести къ гармонической организаціи производства на началахъ общественной собственности (соціалисты—Марксъ).

Въ пятыхъ, мы имѣемъ еще одну своеобразную форму производственнаго идеала, дорогого сердцу финансовымъ политикамъ. Этотъ идеалъ требуетъ: наибольшее количество свободнаго „чистаго дохода“, за покрытіемъ издержекъ производства и вознагражденіемъ непосредственно участвующихъ въ производствѣ въ качествѣ производителей и руководителей—предпринимателей, съ освоеніемъ значительной доли этого чистаго дохода государствомъ для тѣхъ цѣлей, которыя оно, какъ особая организація, преслѣдуетъ въ каждую данную историческую эпоху. Этотъ производственный идеалъ вызвалъ къ жизни особую финансовую политику, которая не только выработала необычную по тонкости технику организаціи обложенія, но и стремится расширить размѣры и ростъ самихъ государственныхъ промышленныхъ предпріятій.

Если читатель мысленно пробѣжитъ все то, что написано на предшествовавшихъ страницахъ, то для него станетъ ясно, какъ слѣдуетъ смотрѣть на производственный идеалъ съ общественной организаціей собственности.

Этотъ идеалъ, по существу дѣла, сводится къ такой организаціи, при которой каждый получаетъ извѣстную долю общественнаго дохода для удовлетворенія своихъ потребностей. Если вѣрно то, что всякій продуктъ является результатомъ всей системы производства и общественной организаціи, что въ современномъ обществѣ всякая цѣна является результатомъ соціальной производительности труда и соціальнаго же раздѣла продукта, что въ пользу такого кардинальнаго, важнаго основанія нашей системы хозяйства—частной собственности—можно привести только историческія, но не теоретическія аргументы, то выводы напрашиваются сами собой. Если предпосылки вѣрны, то несомнѣнно должны быть правильны и разумно построенныя изъ нихъ выводы. Мнѣ кажется, что сомнѣваться въ правильности нашихъ предпосылокъ нѣтъ основаній, а потому мнѣ остается только сдѣлать соотвѣтствующія выводы и тѣмъ найти подходящій ключъ для анализа производственныхъ идеаловъ.

Мы всѣ отлично знаемъ, что стремленіе создать общественную организацію, гдѣ каждый могъ бы имѣть справедливый и обезпеченный доходъ, составляетъ реальный фактъ нашего все болѣе и болѣе демократизирующагося европейскаго общества. Отрицать правомѣрность этого стремленія могутъ только слѣпые или своекорыстные. Если это такъ, то для всякаго должно быть ясно на сторону какого производственнаго идеала въ настоящій моментъ онъ долженъ стать.

Только тотъ производственный идеалъ можетъ манить его, который увеличиваетъ до возможно высшихъ предѣловъ производительность труда и даетъ общественно-необходимому труду наиболѣе нормальное вознагражденіе. Историческую необходимость частной собственности, какъ организаціоннаго принципа хозяйства и общественной жизни, онъ не станетъ отрицать. Онъ будетъ лишь требовать, чтобы эта собственность служила все болѣе и болѣе тѣмъ цѣлямъ, ради которыхъ она существуетъ, чтобы въ ея предѣлахъ все крѣпче и сильнѣе развивалось то промышленное самоуправленіе, которое должно дать всякому труду справедливое вознагражденіе и воспитать его въ новыхъ условіяхъ сознательной общественной работы.

Только та экономическая политика можетъ представляться ему желательной и удовлетворительной, которая является политикой труда и заработной платы. Борьба за такую заработную плату и должна, по моему мнѣнію, стать основнымъ лозунгомъ нашей экономической эволюціи. Мы должны всегда имѣть въ виду, что предъ нами неизбѣжно будетъ стоять великая проблема организаціи труда, которая требуетъ, чтобы каждый гражданинъ имѣлъ въ своемъ промыслѣ и за извѣстную справедливую заработную плату возможность трудиться для себя и для общества. Тотъ, который работаетъ подъ этимъ знаменемъ, никогда не собьется съ пути и его не испугаютъ упреки въ провозглашеніи якобы буржуазныхъ принциповъ наемной формы труда. Безъ этой формы вознагражденія наша общественная машина не преобразуется: въ новой болѣе справедливой квалификаціи заработныхъ платъ въ связи съ ростомъ производительности лежитъ величайшая проблема ближайшаго будущаго. На почвѣ этой борьбы за заработную плату безъ всякихъ катаклизмовъ человѣчество пойдетъ къ болѣе свѣтлому и лучшему будущему, къ новой организаціи труда, которая дастъ каждому его справедливую долю продукта и устранитъ чрезмѣрныя притязанія однихъ группъ, уравновѣсивъ ихъ требованія правами другихъ.

Всякое общественное дѣло дѣлается не сразу. Отъ старыхъ формъ жизни къ новымъ люди переходятъ не безъ тяжкаго труда и борьбы. Я откровенно выскажу свое убѣжденіе, что всѣ условія нашей соціальной жизни шагъ за шагомъ ведутъ къ тому, что такъ называемая свободная частная собственность идетъ къ уничтоженію. Но въ то же время я не боюсь такъ называемаго „принужденія и насилія“, о которыхъ такъ часто кричатъ, т. е. вѣрнѣе вмѣшательства общественной организаціи въ личныя соціально-экономическія права каждаго гражданина. Не боюсь, ибо убѣжденъ, что прочное проведеніе этого принужденія можетъ получить осуществленіе только тогда, когда реальныя личныя силы демократіи окажутся къ тому способными: иначе это принужденіе разсыпется какъ карточный домикъ и будетъ стоить только жертвъ, безъ которыхъ не протекаетъ ни одинъ общественный экспериментъ.

Частная собственность была всегда орудіемъ соціальнаго господства, но въ то же время и средствомъ общественной организаціи.

Человѣчество уже испробовало политику производственнаго идеала ренты и прибыли. Предъ нами теперь великая общественная задача такъ трансформировать собственность, чтобы рента и прибыль превратились только въ необходимое, быть можетъ, преходящее вознагражденіе квалифицированныхъ участниковъ и руководителей производства. Выражаясь такимъ образомъ, я вовсе не впадаю въ идеи Карлейля объ историческомъ предназначеніи такъ называемыхъ „капитановъ индустріи“. Я только хочу сказать: владѣющіе классы должны помнить, что историческій процессъ ведетъ къ тому, чтобы и ихъ судьба свелась къ полученію справедливой заработной платы. Организація демократическихъ силъ всѣхъ ведетъ къ одному и тому же дѣлу: къ реорганизаціи экономическихъ силъ для наивысшаго развитія производительности и выработки для каждой особенности труда и своеобразнаго квалифицированнаго вознагражденія. Анархія хотя бы даже во имя новаго порядка никогда не приводила къ серьезнымъ соціальнымъ реформамъ. Послѣднія всегда требуютъ организаціи и времени. Политика на ура! революція такъ же опасна и разрушительна, какъ и политика на ура самодержавія. Историческіе примѣры на лицо: манджурская эпопея, Франція въ 1848 и 1870 г. Организація не возможна безъ вождей, которые знаютъ куда они идутъ и для чего работаютъ. Владѣющіе классы и интеллигенція должны это помнить. На нихъ лежитъ обязанность, какъ справедливо говорилъ Карлейль, возвратить народъ къ дѣйствительности. Онъ слишкомъ долго жилъ только призраками и страданіями: теперь должно наступить время организаціи, творческой работы и улучшенія.

Въ такое время, какъ переживаемое нынѣ нами, легко ставятся предъ взорами общества самыя широкія соціальныя задачи. Эпоха ломки стараго всегда сопровождается такимъ настроеніемъ, но и въ такую минуту не слѣдуетъ забывать, что созданіе какихъ либо новыхъ условій промышленной жизни требуетъ долгихъ и напряженнѣйшихъ усилій. Мы ви-

дѣли, какъ легко разрѣшаетъ г. Пѣшехоновъ аграрную проблему. Онъ вѣритъ въ возможность сосредоточенія въ государственныхъ рукахъ громаднаго земельнаго фонда, но отчего же не пойти и далѣе, отчего не говорить о націонализаціи фабрикъ и заводовъ, какъ ближайшей же соціальной проблемѣ?

Очевидно, не такъ легко перейти въ царство рая, и демократія нуждается еще въ долгомъ воспитаніи и работѣ надъ собою. Невѣжественная и неорганизованная демократія неспособна къ соціальнымъ реформамъ и только въ процессѣ борьбы она научится этой необходимости знанія и организаціи.

Я не принадлежу, къ тѣмъ людямъ, которыя вѣруютъ въ возможность немедленнаго осуществленія соціальнаго блаженства. Новый строй соціальной жизни долженъ быть сознательно подготовленъ и медленно завоеванъ долгой и напряженной работой. Поэтому мнѣ кажутся наивными иллюзіи тѣхъ, которые думаютъ, что разрушить—это значитъ, создать, что классовая борьба — цѣль, а не средство. Предъ нами громадная историческая задача путемъ классовой борьбы и класовыхъ компромисовъ создать новую организацію общественныхъ силъ и, что важнѣе всего, новое правосознаніе. Перемѣны же въ организаціи и правосознаніи совершаются медленно. Всѣ перемѣны въ общественной жизни тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ съ большею правомѣрностью онѣ совершаются. Намъ нужна не диктатура силы, а уравновѣшенная свобода права. Справедливое право и облагороженныя нравы медленно, но вѣрно одерживаютъ побѣду надъ силами эгоизма, косности, невѣжества и глупости и тогда родятся на свѣтъ лучшія и справедливѣйшія учрежденія, работать для достиженія которыхъ ставили своей задачей всѣ крупнѣйшіе идеалисты человѣчества.

Мнѣ представляется, что практическій политикъ, стремящійся къ идеаламъ распредѣлительной справедливости, долженъ всегда помнить, что онъ можетъ защищать только тѣ мѣропріятія, которыя ведутъ насъ въ царство доходовъ труда. Но онъ будетъ считать наивными и недальновидными тѣхъ,

которые станутъ упрекать его въ буржуазныхъ тенденціяхъ, когда онъ будетъ честно утверждать, что современная демократія не съумѣетъ реорганизовать внезапно всю нашу общественную систему. Другими словами, не боясь никакихъ упрековъ, онъ будетъ стремиться въ ближайшемъ же будущемъ не къ устраненію наемной формы труда, а бороться за заработную плату, за ростъ и организацію производительныхъ силъ, для чего, прежде всего, необходимы: политическая свобода и политическое воспитаніе страны въ новыхъ условіяхъ правовой борьбы [1]).

Къ детальной разработкѣ этой платформы политики труда я предполагаю вернуться въ ближайшемъ же будущемъ.

Проф. Александръ Миклашевскій.

---

[1]) Одинъ изъ выдающихся представителей германской соціалъ-демократіи Г. Бернштейнъ это отлично понялъ и въ этомъ его громадная заслуга. Вотъ что пишетъ онъ: „устраненіе наемной формы труда зависитъ отъ образованія и развитія неоплачиваемыхъ общественныхъ службы. Дойдетъ ли дѣло до того, что всѣ блага будутъ выдаваться безденежно и всѣ работы будутъ совершаться добровольно или въ формѣ соціальныхъ обязанностей—этотъ вопросъ мы оставимъ здѣсь безъ отвѣта, такъ какъ во всякомъ случаѣ подобное состояніе водворится въ неизмѣримо отдаленномъ будущемъ. До тѣхъ же поръ, пока такой порядокъ не наступитъ, каждая работа, не представляющая соціально-обязательной службы или добровольнаго труда по собственной охотѣ, будетъ оплачиваться прочно установленной заработной платой или опредѣленнымъ окладомъ, увеличеннымъ, быть можетъ, какою либо преміей, участіемъ въ прибыляхъ и дополненнымъ неоплачиваемыми услугами всего общества....

Поэтому ходячее боевое слово: „устраненіе системы наемнаго труда, саларіата—ошибочно. Дѣйствительное развитіе въ промышленности, въ торговлѣ, въ организаціи обращенія совершается, наоборотъ, въ направленіи расширенія и превращенія во всеобщее правило отношеній найма. Требованіе всего продукта труда со стороны рабочихъ признается теперь явною нелѣпостью въ соціальномъ и хозяйственномъ отношеніи.... Борьба рабочаго класса направляется теперь не противъ формъ, а отношеній зависимости, которыя понижаютъ заработную плату и препятствуютъ ей возрастать пропорціонально росту общественнаго богатства. Форма найма является лишь однимъ звеномъ въ строѣ хозяйства, который теперь измѣняется при посредствѣ демократическаго или общественнаго коллективизма....

Когда это стремленіе къ измѣненію хозяйственной системы и отношеній зависимости называютъ борьбой противъ системы заработной платы, то это слѣдуетъ признать лишь неяснымъ способомъ выраженія. Фактически это именно и есть не что иное, какъ борьба за справедливую систему опредѣленія заработной платы“.

БИБЛИОТЕКА